

0- 781061

На правах рукописи

КОЗИНЕЦ Сергей Борисович

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 - Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор
Иван Алексеевич Ширшов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Ермакова Ольга Павловна

доктор филологических наук, академик РАЕН Лейчик Владимир Моисеевич

доктор филологических наук, профессор Федосюк Михаил Юрьевич

Ведущая организация – Московский городской педагогический университет

Защита состоится «21» декабря 2009 г. в _____ часов
на заседании Диссертационного совета Д 212.154.07 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119992, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, ауд. № _____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета по адресу: 119992, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

М. Саф

Общая характеристика работы

Метафора как языковой феномен является объектом изучения многих филологических дисциплин. При этом традиционно противопоставляется метафора как единица номинации (объект лексикологии) и метафора как троп (объект теории художественной речи). И в той и в другой отрасли существует множество работ, описывающих различные стороны этого языкового феномена: механизмы метафорических переносов, место метафоры в лексической системе языка, классификации метафоры, её экспрессивно-стилистические возможности и т.д.¹

При разнообразии подходов к изучению метафоры, обозначению ее границ и самой сущности этого явления, всеми учеными безоговорочно выделяется *двуплановость метафоры* – взаимодействие основного и вспомогательного субъектов. При этом «двуплановость» рассматривается только в рамках семантической деривации, т.е. метафорическое (производное) значение слова воспринимается на фоне прямого (исходного). В связи с этим долгое время «игнорировались» производные слова, явно метафоричные по своей семантике. Они не квалифицировались как метафоры, поскольку имеют в большинстве случаев только одно значение, которое, следовательно, является прямым: *ежиться*, *столбенеть*, *змеяться*, *афишировать*, *громоотвод*, *бесхребетный*, *скоротечный* и под.

Лексическая семантика подобные слова как «метафоры» отвергла, так как, по справедливому утверждению Д.Н. Шмелева, «только живые словообразовательные связи указывают на исходную «метафоричность» ряда слов, в которых соответствующее значения являются в настоящее время основными (и единственными)» [Шмелев 1973: 214], но будучи отвергнута лексической семантикой², словообразовательная метафора (СМ) стала объектом пристального изучения в словообразовании.

Дериватологами давно установлено, что семантические связи между производным и производящим могут быть как прямыми, так и образными, в частности, метафорическими. Производящее может входить в структуру производного в метафорически переосмысленном виде. Такое смысловое соотношение между производным и производящим впервые было рассмотрено В.В. Лопатиным, выделившим особую, *метафорическую мотивацию*, суть которой в том, что «переносный смысл возникает у

¹ См. обзор и анализ работ по проблемам метафоры в монографиях: Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб, 1993; Балашова Л.В. Метафора в диахронии. – Саратов, 1998; Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М., 2006; Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 1-2. – Новосибирск, 2003, а также книги: Метафора в языке и тексте. – М., 1988; Теория метафоры. – М., 1990.

² Исключением, пожалуй, являются работы Ю.П. Солодуба [Солодуб 1996, 1998, 2002], выделившего слова с образно-семантической мотивированностью, уникальность которых «в том, что их первичное и чаще всего единственное значение уже воспринимается как обобщенно-переносное» [Солодуб 2002: 37].

определенных слов только на уровне мотивированного слова, в его словообразовательной структуре» [Лопатин 1975: 55-56].

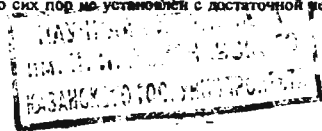
Вслед за В.В. Лопатиным к проблеме не прямых мотивационных отношений обратились другие ученые [Бродская 1978; Плотнокова 1982; Парубченко 1990; Ермакова, Земская 1991; Улуханов 1992; Ширшов 1995; Санджи-Гаряева 1999]. В их работах были заложены теоретические основы данного направления: рассматривались типы соотношения семантики производного и производящего, предлагались классификации не прямых мотивационных отношений. Впервые эти идеи были реализованы на конкретном материале в диссертации Е.В. Поляниной, изучавшей метафорические значения производных глаголов [Полянина 2006]. Смежная проблема решалась в диссертации А.А. Синичкиной [Синичкина 2005], где были рассмотрены производные прилагательные со значением подобия, и монографиях Е.В. Огольцевой, предметом изучения которых стали образные значения отсубстантивных дериватов [Огольцева 2006, 2007, 2007а].

Таким образом, несмотря на огромный интерес дериватологов к непрямым мотивационным отношениям в различных единицах словообразовательной системы, следует констатировать, что пока в этой области намечены проблемы и перспективы исследования. Одна из главных – необходимость установления общих закономерностей метафорических процессов в словообразовании¹. Требуется не только всестороннее и системное описание указанных производных, но и новое осмысление их в словообразовательной и лексико-семантической системе языка в целом, т.е. рассмотрение их именно как словообразовательных метафор (СМ).

Сложность такого исследования связана с рядом факторов: СМ включает производные слова, весьма неоднородные по своему лексическому и словообразовательному составу – с разной степенью образности, различным соотношением лексического и деривационного значений в словообразовательной структуре; СМ «неразборчива» в выборе моделей и способов словообразования. Кроме того, формирование образного значения словообразовательных метафор происходило в истории русского языка различными способами, что также накладывало определённый отпечаток на лексико-семантические особенности данных производных. Необходимость всестороннего исследования такого лексико-словообразовательного феномена, как словообразовательная метафора, и установления ее места в метафорической системе языка обусловило актуальность диссертационной работы.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе комплексного описания основного массива производных слов с метафорической мотивацией выявляются системные свойства словообразовательных метафор. Исследуются семантические трансформации,

¹ Е.В. Огольцева, например, отмечает, что «состав единиц, которые нередко называют «метафорическими мотивами», до сих пор не установлен с достаточной четкостью» [Огольцева 2006: 18].

происходящие при развитии переносных значений в производных словах и их влияние на словообразовательные и семантические потенции дериватов. Устанавливается степень зависимости структурно-семантических особенностей словообразовательных метафор от частеречной принадлежности производящего. Впервые прослеживается динамика словообразовательной метафоры в русском языке с XI по XXI вв., особенности ее формирования в диахронии. Устанавливается связь между различными способами образования СМ в истории языка и ее словообразовательной асистемностью в современном русском языке.

Объект исследования. Мы ограничили объект исследования производными словами, в которых непосредственно развивается метафорическое значение – словообразовательными метафорами. Под *словообразовательными метафорами* мы понимаем такие производные слова, переносное значение которых образуется в результате изменения морфологической структуры слова, т.е. в словообразовательном акте. Словообразовательные метафоры являются результатом метафорического переосмысления в производном слове прямого значения производящего слова.

Ограничение материала вызвано тем, что, во-первых, производные, усваивающие переносное значение, в большинстве своем представляют собой прозрачные случаи так называемые *переносной мотивации* (по И.А. Шишову), т.е. наследуемой, поэтому их описание мало чем будет отличаться от описания производных с прямой мотивацией; во-вторых, подобные дериваты достаточно хорошо описаны в научной литературе [Артемов 1972; Юсупова 1980; Ермакова 1984; Санджи-Гаряева 1999; Козинец 1999б; 2000а, Полянина 2006 и др.].

Предметом диссертационного исследования являются системные свойства производных с метафорической мотивацией, выявляемые как в синхронном плане, так и в исторической динамике.

Цель работы – исследовать системные и функциональные свойства словообразовательной метафоры и установить процессы ее развития в истории языка.

Для реализации этой цели необходимо было решить следующие исследовательские задачи:

1) определить объем понятия *словообразовательная метафора* в соотношении с лексической и словообразовательной семантикой и отграничить его от смежных явлений;

2) выявить системные свойства производных с метафорической мотивацией: а) представить лексико-семантическую организацию словообразовательных метафор; б) описать типологию словообразовательных метафор по степени их смысловой связи с производящим;

3) исследовать деривационный (семантический и словообразовательный) потенциал словообразовательных метафор; выявить причины препятствующие реализации деривационного потенциала;

4) описать различные способы формирования словообразовательной метафоры в истории русского языка;

5) изучить общие семантические и стилистические закономерности развития СМ в исторической динамике.

Методологическую базу настоящей работы составляют фундаментальные исследования в области словообразования (Г.О.Винокур, В.В.Виноградов, Н.М.Шанский, Е.А.Земская, А.Н.Тихонов, Е.С. Кубрякова, О.И.Блинова, М.Н.Янценецкая, И.Г. Милославский, Э.П. Кадькалова) и, в частности, исследования образных мотивационных отношений (В.В. Лопатин, О.П. Ермакова, И.С.Улуханов, И.А. Ширшов, Е.В. Огольцева), лексической семантики (Д.Н. Шмелев, В.Г. Гак, М.В.Никитин, Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, Э.В. Кузнецова, Г.Н. Кустова, И.М. Кобозева, С.Ульманн, Ш.Балли) и теории метафоры (Г.Н. Складневская, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.П. Москвин, З.Ю. Петрова, Л.В. Балашова, О.Н. Лагута, Дж. Лакофф, М.Джонсон). При исследовании словообразовательных метафор в исторической динамике мы опирались на работы, посвященные историческому изучению языковых процессов, выполненные в русле как диахронического, так и синхронно-диахронического подходов (В.В. Виноградов, А.М. Селищев, Е.Э. Биржакова, Л.В. Вяткина, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов, Л.В. Балашова, Н.К. Низаметдинова).

Методы исследования. Для достижения поставленной цели применяются современные методы лингвистического исследования: метод лексикографического отбора, таксономическое описание; метод компонентного анализа, осуществляемый на основе словарных определений; при характеристике словообразовательных отношений слов в словообразовательной паре использовался мотивационно-словообразовательный анализ; метод контекстного анализа. Кроме того, использовался метод количественной оценки выявленных фактов. При описании словообразовательной метафоры в историческом аспекте использовался синхронно-диахронический метод, который позволил соотносить современную систему СМ с динамикой ее развития в истории языка.

Основными источниками **материала исследования** послужили словари русского и древнерусского языка. В качестве иллюстративного материала используются примеры из произведений писателей XIX – XXI века: Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, А.И. Куприна, М.А. Булгакова, А.П. Платонова, В.О. Богомолова, Ф.А. Искандера, Л.Г. Зорина, Д.И. Рубиной, Б. Акунина, А. Слаповского, М. Веллера, Т.И. Толстой, В.О. Пелевина, Д. Быкова и др. (всего 67 авторов), полученные путем сплошной выборки, а также тексты, принадлежащие к различным типам дискурса – научному и публицистическому. Помимо словарных данных, использовались материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Общий объем проанализированных текстовых источников составил более

1500 усл. печ. л. Картотека речевого материала содержит более 2500 единиц.

Теоретическая значимость работы. В диссертации впервые производные слова с метафорической мотивацией выделяются в особую лексико-словообразовательную подсистему, в связи с этим в научный обиход вводится термин «словообразовательная метафора». Словообразовательная метафора рассматривается на фоне смежных явлений: а) производных, усваивающих переносное значение; б) производных с экспрессивной мотивацией; в) производных со значением подобия и отграничивается от них. Диссертация способствует дальнейшей разработке проблем семасиологии, лексической и словообразовательной семантики производного слова, проблем взаимодействия словообразовательного и лексического уровней языка.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в теоретических курсах и спецкурсах по лексикологии, словообразованию, стилистике, по истории русского литературного языка. Предпринятое описание окажется полезным в лексикографической практике при составлении толковых и толково-словообразовательных словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Словообразовательная метафора выделяется как особая подсистема в лексико-словообразовательной системе языка, а именно являясь разновидностью лексической метафоры, поскольку обладает ее основными системными и функциональными свойствами. Она «примирует» лексическое и словообразовательное значение (и – шире – лексическую и словообразовательную семантику), так как образование словообразовательной метафоры происходит при изменении морфологической структуры слова.

2. СМ как особый лексико-словообразовательный подкласс слов занимает центральную позицию среди производных с образным значением: являясь результатом образного переосмысления прямого значения мотивирующего, она отграничивается, во-первых, от производных, усваивающих переносное значение производящего, во-вторых, от производных со значением подобия, характеризующих предмет через эксплицитное сравнение, выраженное аффиксально. Кроме того, к СМ не относятся производные с экспрессивной мотивацией, сохранившие только формальную связь с мотивирующим, но не связанные с ним семантически.

3. Системность словообразовательных метафор лежит в плоскости лексической, а не словообразовательной семантики: как особый семантический класс слов СМ почти не обнаруживает закономерностей, свойственных производной лексике, в частности, не представляется возможным выстроить какую-либо словообразовательную типологию СМ. В связи с этим словообразовательная метафора рассматривается прежде всего как феномен лексической семантики.

4. Словообразовательная метафора обладает следующими системными свойствами: а) словообразовательная метафора более антропоцентрична, чем метафора лексическая, так как, во-первых, формируется по преимуществу в рамках антропоморфных моделей («человек → человек»; «предмет → человек», «человек → предмет»), а во-вторых, в качестве производящих основ выступают в основном слова, так или иначе связанные с человеком; б) степень смысловой связи производного и производящего обуславливает различные функциональные свойства СМ и сниженную стилистическую маркированность; в) СМ обладает невысоким деривационным (словообразовательным и семантическим) потенциалом.

5. Синхроническая и диахроническая производность словообразовательных метафор не всегда совпадают: во многих случаях их история – это история утраты прямого значения производного и семантическая переориентация между производным и производящим (когда метафорическое значение производного мотивируется не прямым значением этого же производного, а прямым значением производящего слова). Кроме того, часть СМ является результатом семантического или словообразовательного калькирования.

6. Словообразовательные метафоры, возникшие в результате утраты прямого значения, отражают историю развития лексического состава русского языка: они сохраняют память о прямом значении слов, а также об истории формирования некоторых словообразовательных типов. Данный способ возникновения СМ оказывает существенное влияние на формирование лексической системы в целом, поскольку в метафорическое пространство языка вовлекаются новые слова и значения, расширяются ассоциативные связи между как между отдельными словами, так и между лексическими объединениями.

7. Динамический характер СМ проявился прежде всего в движении в сторону стилистически сниженных ресурсов языка и постепенном закреплении за СМ характеризующей функции (номинативная функция свойственна незначительному числу производных с метафорической мотивацией), что служит обогащению экспрессивно-оценочной системы языка.

Апробация результатов исследования. Сформулированные в диссертации основные положения получили апробацию на 18 научных конференциях всероссийского и международного статуса, в том числе: Международной научной конференции «Теория языкознания и рустика: наследие Б.Н. Головина» (Н. Новгород, май 2001), Региональной научной конференции молодых ученых «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Н. Новгород, март 2003), II и III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, март 2004, март 2007), Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты» (Пенза, май 2004; Ульяновск, май 2007), II, III и IV Международной научной конференции

«Предложение и слово» (Саратов, сентябрь 2002, сентябрь 2005, ноябрь 2007), Всероссийской научной конференции языковедов и литературоведов «Русский язык рубежа XX-XXI веков: специфика функционирования» (Самара, май 2005), Международной научной конференции «Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики» (Н. Новгород, май 2006), Международной научно-практической конференции «Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития» (Алматы, ноябрь 2007), Международной научной конференции «X Виноградовские чтения» (Москва, ноябрь 2007). По материалам исследования опубликовано 42 работы (общий объем – 33, 3 п.л.), в том числе 7 статей в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК. Материалы исследования обсуждались на кафедре русского языка Московского педагогического государственного университета.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав Заключения, Списка использованной литературы (638 наименований), Списка словарей (63 названия) и источников (130 названий) и Приложения, включающего указатель словообразовательных метафор.

Содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации, определяется объект, цель и задачи, методы исследования, указываются источники описанного материала, характеризуются научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы.

Первая глава «**Словообразовательная метафора в свете проблем лексической и словообразовательной семантики**» состоит из двух разделов.

В первом разделе («*Основные теоретические вопросы метафористики*») мы отобрали для своего исследования те основные постулаты метафористики, которые можно было «безболезненно» перенести в словообразовательную систему и соотнести с ней, обозначили терминологический аппарат, который используется в данной работе. В частности, были соотнесены понятия «лексическая метафора» и «словообразовательная метафора», метафорическое и метонимическое значение в производном слове, живая и генетическая метафора в лексической и словообразовательной семантике; рассмотрена семантическая структура метафоры и механизмы формирования метафорического значения и в связи с этим типология переносных значений и различные классификации метафор.

Словообразовательная метафора, являясь – формально – принадлежностью системы словообразовательной, обладает всеми системными и функциональными (хотя проявляющимися и по-иному) свойствами метафоры лексической: двуплановостью, способностью выполнять различные функции (номинативную, образную,

экспрессивную), поэтому ее можно выделить как особую подсистему в метафорической системе языка.

От лексической словообразовательная метафора отличается способом формирования переносного значения – сохранение той же формы у лексической метафоры (*еж* ‘небольшой зверек, покрытый иглами, при опасности сворачивающийся в клубок’ – *еж* ‘противотанковое сооружение в виде скрещивающихся кольев или железных брусьев, переплетенных колючей проволокой’) и изменение морфологической структуры при образовании метафоры словообразовательной (*еж* ‘зверек...’ – *ежиться* ‘пожиматься всем телом от холода, болезни <подобно ежу>’).

Основная задача второго раздела («Семантические отношения в словообразовании») – рассмотреть проблемы изучения не прямых мотивационных отношений между производным и производящим в научной литературе, а также обозначить место словообразовательной метафоры в ряду смежных явлений.

Чёткое разграничение прямой и не прямой мотивации провёл В.В. Лопатин [Лопатин 1975], выделивший *метафорическую мотивацию*, специфика которой в том, что «переносный смысл возникает у определённых основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре <...> метафорически мотивированные слова <...> являются единственными носителями переносного смысла (последний не выражен в мотивирующих словах и устойчивых сочетаниях)» [Лопатин 1975: 55-56].

Вслед за В.В. Лопатиным к проблеме не прямых мотивационных отношений обратились другие учёные – Г. Н. Плотнокова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова, Л.Б. Парубченко, И.С. Улуханов, И.А. Шишов. Ими были разработаны разнообразные классификации производных слов с образным значением, однако все разнообразие классификаций можно свести к трем основным типам: 1) переносное значение производного соотносится как с прямым значением производного, так и с переносным значением производящего – *двусторонняя мотивация*; 2) производное усваивает только переносное значение производящего – *односторонняя структурно-семантическая мотивация* (*переносная мотивация* – в терминологии И.А. Шишова); 3) переносное значение развивается у производных при отсутствии такового у производящего – *метафорическая мотивация* (словообразовательная метафора), что и является объектом нашего исследования.

Отделив производные, развивающие метафорическое значение в деривационном акте, от производных, усваивающих переносные значения, мы тем не менее не сняли проблемы о границах материала, поскольку существует масса спорных случаев, т.е. производных, которые нельзя однозначно квалифицировать. Все они выражают значение подобия. Сюда относятся производные прилагательные с аффиксами *-видный*, *-подобный*, *-образный*, выражающими сравнительно-конкретизирующее

значение: *звероподобный, зигзагообразный, воронкообразный, стреловидный*; прилагательные с суффиксами *-оват-, -овит-, -ист-, -чат-*: *ноздrevатый, мозговитый, золотистый*; отсубстантивныe наречия префиксально-суффиксального способа словообразования *по-писью, по-лошадиному, по-скотски*; существительные с суффиксами *-к(а), -к(о), -ок-/ик-*: *ножка, шляпка, дымка, глазок, язычок*. Данные производные мы не относим к словообразовательной метафоре.

Во второй главе «Системные свойства словообразовательной метафоры» рассматриваются семантические объединения производных с метафорической мотивацией, типология семантических связей между производящим и метафорическим производным, синонимические и антонимические отношения, стилистическая характеристика. Такое описание позволяет не только представить словообразовательную метафору как часть лексической системы языка, но и выявить ее имманентные свойства как особой лексико-словообразовательной подсистемы.

В первом параграфе («Лексико-семантическая организация словообразовательных метафор») рассматриваются лексические системные свойства словообразовательной метафоры. Подобный анализ необходим для того, чтобы выяснить, в каких семантических сферах словообразовательная метафора наиболее активна, установить причины активности, выявить возможность прогнозирования развития СМ различных семантических групп.

Пытаясь выявить типологические свойства каких-либо языковых единиц, любой исследователь, как известно, сталкивается с главной проблемой – найти основание для этой самой типологии. Анализ различных классификаций метафор, проделанный нами в первой главе, позволяет наглядно представить всю сложность данного вопроса.

Поскольку объект нашего изучения – словообразовательная метафора, нам необходимо было выработать (на основании уже существующих) или выбрать ту классификацию, которая бы в наибольшей степени удовлетворяла нашим задачам.

Из всех разнообразных классификаций мы выбрали классификацию лексем по тематическим группам. При этом мы не стремились к подробному, детальному классифицированию слов в лексико-семантических объединениях, поскольку, во-первых, подобные описания уже существуют³, а во-вторых, это не было нашей целью. Нам необходимо было четко представить лексическое своеобразие словообразовательных метафор, выявить наиболее частотные тематические группы, а, следовательно, семантические «склонности» метафорически мотивированных производных.

³ См., например, [Шрам 1979; Суванова 1985; Кузнецова 1988; Русский семантический словарь 1998-2007; Толковый словарь русских глаголов 1999].

Словообразовательная метафора как часть лексической системы языка обладает следующими системными свойствами.

Большинство тематических групп СМ (весьма разнообразных по семантике) объединяются в одну семантическую сферу – «человек». Это семантическое поле включает в себя следующие смысловые группы СМ: свойства характера – *белоручка, прилежала, головорез, бессердечный, запальчивый*; поведение – *мальчишество, школьничество, барственный, ребяческий, выкаблучиваться, гусарить*; интеллектуальные свойства – *тугодум, тяжелодум, безголовый, безмозглый*; состояние – *скотство, безмятежный, ежиться, совет*; социальный статус – *оборванец, голодранец, голоштаный, зажиточный*; профессии, род деятельности – *бумагомаратель, рифмоплет, буквоед*; отношения – *нагоняй, невроотрешка, миндальничать, обесславить*. Данные наименования составляют ядерную часть семантической сферы «человек».

Названия других предметов, признаков и явлений также (хотя и косвенно) связаны с человеком, они входят в периферийную область сферы: *хвостовик* (предметы, сделанные руками человека); *перешеек, подножие* (отсоматические наименования) *котловина, преддверие* (СМ образованы от названий артефактов) и др.

К не собственно антропоцентрическим метафорам (образованным по моделям, не связанным с гиперсемой 'человек') относится незначительное количество слов: *глушь, разлапистый, змеистый, отрывистый, скоротечный, змеиться*.

Т.о., словообразовательная метафора формируется по преимуществу в рамках а н т р о п о м о р ф н ы х моделей⁴, которые объединяются в три основные, глобальные модели: «человек → человек»: *барин → барственный, сердце → бессердечный, гусар → гусарить*; «предмет → человек»: *мешок → мешочник, автомат → автоматичный, еж → ежиться*; «человек (признаки, действия, с ним связанные) → предмет в широком смысле слова (признаки, действия, с ним связанные)»: *котел → котловина, шея → перешеек*. Последняя модель в сфере СМ реализуется редко и только в субстантивных производных.

Системные свойства словообразовательных метафор проявляются и в достаточно развитых синонимических отношениях внутри тематических групп различных частей речи при высокой смысловой компактности СМ: *лентяй – белоручка, небокопатель, лоботряс; нахлебник – прилежала, дармоед, нахлебник, захребетник, блюдолиз, лизоблюд; угнетатель – мироед, живоглот, кровопийца; жадный – загребистый, загребущий, зажимистый; неискренний – вкрадчивый, двуличный, двуличный, двоедушный; глупый – безголовый, безмозглый, тупоголовый, пустоголовый, слабоголовый, туполобый; ударить (бить) – вломить*,

⁴ Для лексической метафоры регулярными являются также модели «предмет → предмет», «предмет → физический мир»; менее регулярными – модели «предмет → животное» «животное → животное» [Петрова 1989; Склиревская 1993: 85-108]

огреть, звездануть, костылять, метелить; ругать – раздраконить, песочить, костить, собачить.

В большинстве случаев СМ выступают стилистическими или семантико-стилистическими синонимами к словам нейтрального употребления, которые являются доминантами.

Иногда синонимический ряд представлен только словообразовательными метафорами, в этом случае в качестве доминанты выступает описательный оборот: *делаться неподвижным – деревенеть, каменеть, столбенеть, цепенеть, костенеть.*

Словообразовательные метафоры, будучи по преимуществу признаковыми словами, тяготеют в основной своей массе к оценочности (чаще негативной) и стилистической сниженности. Однако даже при нейтральном употреблении многие слова содержат оценочный компонент в значении: *крохобор, крючкотвор, выходка, мальчишество, бессердечный, сердобольный, вкрадчивый, двуличный, обездушить, надругаться, развенчать, афишировать.*

Во втором параграфе («Типы словообразовательных метафор по степени их семантической связи с производящим») описываются механизмы образования СМ, семантические и стилистические трансформации, сопровождающие появление СМ. На основании семантического анализа производящего и производного слов устанавливаются типы словообразовательных метафор по степени их семантической связи с производящими (мотивирующими).

За основу классификации мы взяли степень удаленности значений СМ и мотивирующего. Сама степень определялась нами по той доле семантического «вклада» производящего, которая участвует в образовании словообразовательной метафоры (т.е. какие именно семы легли в основу метафорического значения производного: ядерные, дифференциальные, периферийные, потенциальные, а также ассоциативное окружение слова и его коннотации), с одной стороны, и роли аффиксов в формировании лексического значения СМ – с другой.

Помимо компонентного анализа, мы использовали также прием компаративной развертки (при невозможности применения такого приема СМ квалифицируются как семантически слабо связанные с производящими) и контекстуальный анализ.

При описании семантической связи производного и производящего учитывалась их структурно-семантическая соотнесенность в *современном* языке (конца XX – начала XXI вв.).

Для наименования типов СМ по степени смысловой связи с производящим воспользуемся существующими наименованиями разновидностей лексических метафор [Кудрявцева 1988; Скляревская 1993; Козинец 2000б; Москвин 2006]: *внешняя* (I степень), *внутренняя* (II степень), *ассоциативная* (III степень), *экспрессивная* (IV степень). Дадим краткую характеристику предлагаемых типов СМ.

Внешняя СМ (I степень). Данный тип СМ базируется на внешнем сходстве сравниваемых предметов, признаков, действий. Следует, однако, иметь в виду, что в большинстве случаев подразумевается не прямое сходство (поскольку производное и производящее обозначают разные явления), а сходство через ситуацию. Формант, в зависимости от того, меняется частеречная принадлежность производного по сравнению с производящим или нет, – либо служит актуализатором метафорического смысла *змея* → *змеистый*, *змея* → *змеиться*, либо задает направление метафорического переноса: *шея* → *перешеек*, *лапа* → *разлапистый*. СМ, основанная на внешнем сходстве, прозрачна, поэтому толкование значения производного возможно через сравнительный оборот: *змея* ‘пресмыкающееся с длинным телом, без ног’ → *змеевик* ‘изогнутая трубка <напоминающая по форме змею>’.

Внутренняя СМ (II степень). Внутренняя СМ – результат сопоставления скрытых, внутренних свойств сравниваемых объектов. Например, от существительного *вуаль* ‘кусоч тонкой прозрачной ткани или сетки, прикрепляемый к женской шляпе и обычно закрывающий лицо’ образуется глагол *вуалировать* ‘намеренно делать что-л. не совсем ясным’, т.е. устанавливается связь между закрыванием лица вуалью и действием, которое позволяет скрыть что-либо от других. Как и внешняя СМ, данный тип метафоры также допускает компаративную развертку в толковании лексического значения: *вуалировать* ‘намеренно делать что-л. не совсем ясным (как бы прикрытым вуалью)’.

Ассоциативная СМ (III степень). Ассоциативная СМ – результат обнаружения скрытых, ассоциативных связей сравниваемых предметов, явлений. Во многих случаях установить четкую семантическую связь невозможно, поскольку мотиватор может быть связан с мотивированным словом «не через отдельный компонент лексического значения, а скорее через ассоциацию, связанную со словом-мотиватором» [Матвеева 1979: 118]. В основном ассоциативная СМ базируется на четких, часто устойчивых ассоциациях. Важная роль в формировании семантики СМ принадлежит форманту: *моргать* ‘непроизвольно быстро опускать и поднимать веки и ресницы; мигать’ → *проморгать* ‘упустить, не заметить, прозевать’. Переносное значение производного ассоциируется со следующей ситуацией: когда человек моргает, то в это мгновение не видит. Значение поддерживается семантикой словообразовательного типа (ср.: *проглядеть*, *прозевать*, *прокараулить*, *пропустить*).

Экспрессивная СМ (IV степень). Экспрессивная метафора образуется так же, как и ассоциативная, в результате актуализации ассоциативных и коннотативных признаков, однако в отличие от ассоциативной СМ, характеризуется слабой, практически не ощутимой связью с мотивирующим; она всегда стилистически снижена и обладает яркой оценочностью. В формировании семантики экспрессивной СМ ведущая роль часто принадлежит форманту: *дракон* ‘сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее людей и животных’ →

раздраконить ‘сильно разругать’ (прост.). Значение производного базируется, по-видимому, на коннотациях, обозначающих негативное отношение к чему-л. (дракон ассоциируется со злобой, жестокостью). Важная роль в формировании значения производного принадлежит префиксу *раз-*, обозначающему ‘интенсивность, полноту действия’ (*разругать, разгромить, разобидеть*).

Предлагаемая классификация носит условный характер в той мере, в какой условны все классификации, ограничивающие объект описания определенными рамками. Нами обнаружены единицы промежуточного, «межступенчатого» характера, однако они квалифицировались с учетом семантического «перевеса» в ту или иную сторону, т.е. тяготения к какому-либо типу СМ – в этом случае, естественно, в наибольшей степени проявляется субъективный фактор.

Описание проводилось с учетом частеречной принадлежности производного, поскольку лексическое значение существительных, прилагательных и глаголов организовано по-разному. Соответственно СМ различных частей речи будут иметь свои особенности. При толковании значений многозначных производящих приводились те ЛСВ, которые стали основой для формирования метафорического значения производных слов.

Анализ типов словообразовательных метафор по степени их семантической связи с производящим позволил выявить ряд закономерностей.

Частеречная дифференциация типов словообразовательных метафор выявила преобладание имен существительных и глаголов. Их «лидерство» проявилось не только в количественном отношении, но и в качественном: прилагательные и наречия не обнаруживают каких-либо закономерностей в выборе производящего и в формировании лексико-семантических групп, тогда как у существительных и глаголов такие закономерности наблюдаются.

Так, внешние СМ-существительные мотивируются конкретными словами – названиями предметов (*котел*), животных (*змея*) и соматизмами (*шея, глаз хвост*). Внутренняя СМ расширяет круг мотиваторов за счет включения имен лиц (*партизан, мальчишка, школьник, палач*). Ассоциативный тип имеет еще меньше ограничений в выборе производящего: СМ могут мотивироваться, помимо указанных слов, отвлеченными именами (*ветер, чин, душа*), а также прилагательными (*босой, голый*) и глаголами (*завалиться, забегать, хлебать, штурмовать*).

СМ-глаголы внешнего и внутреннего типов в качестве мотиваторов избирают в основном существительные, обозначающие конкретный предмет (*еж, змея, решето, кость, столб, вуаль*) или вещество, материал (*дерево, камень, стекло, чугун*). СМ ассоциативного типа не имеют ограничений в выборе мотиватора – они образуются от существительных и глаголов различной семантики, однако и здесь наблюдается некоторая закономерность: среди имен предпочтение отдается именам лиц и

названиям животных, т.е. тем словам, импликационал которых заведомо содержит оценочный компонент.

Особое место среди словообразовательных метафор занимают сложные слова, чья словообразовательная структура – поликорневая – содержит отсылку минимум к двум производящим, отражающим взаимосвязь различных понятий. Соединение в одном слове двух структурно выраженных понятий (а не оставшихся только в толковании лексического значения) позволяет передавать метафорический образ более ярко, наглядно. Производящей базой сложных слов могут служить как узуальные словосочетания (*пить кровь – кровопийца, марать бумагу – бумагомаратель*), так и потенциальные, возможные только с точки зрения грамматической связи компонентов, но логически недопустимые (*скрести небо – небоскреб, ломать волны – волналом*).

Мы обнаружили также, что стилистическая маркированность СМ напрямую зависит от смысловой удаленности производного и производящего: чем больше семантическое расхождение между мотиватором и метафорическим производным, тем больше последнее стремится к стилистической сниженности – от нейтральных слов с оттенком книжности внешней СМ к просторечным значениям экспрессивной СМ. Ниже в таблице приведены результаты количественного анализа слов со стилистической окраской:

Типы СМ стиль	Внешняя	Внутренняя	Ассоциативная	Экспрессивная
книжный	2	19	11	—
нейтральный	20	127	52	—
разговорно-просторечный	3	24	206	12
всего слов	25	170	269	12

Разные типы метафоры различаются, следовательно, функционально: внешняя и внутренняя СМ служат прежде всего для создания новых слов, новых смыслов: *змеевик, сердечник, перешеек, котловина, хвостовик, подножие, змеистый, пружинистый, двуликий, дальновидный, змеиться*, восполняя во многих случаях лексические лакуны; ассоциативная и экспрессивная СМ служат развитию фигуральных значений и экспрессивно-синонимических средств языка: *скотство* (подлость), *забегаловка* (закусочная), *лоботряс* (лентяй), *головорез* (бандит); *молниеносный* (быстрый), *бросовый* (плохой), *плевый* (пустячный); *звереть* (свирипеть), *цыганить* (выпрашивать); *огреть* (ударить).

Третья глава «Деривационный потенциал словообразовательных метафор» посвящена изучению порождающей возможности производных с метафорической мотивацией, а именно их семантический и словообразовательный потенциал. В качестве рабочей гипотезы была

выдвинута идея о взаимозависимости типов СМ по степени их смысловой связи с производящим и деривационной активности.

В первом параграфе рассматривается словообразовательный потенциал СМ. Словообразовательный потенциал производных, как известно, зависит от разных факторов – частеречной принадлежности, деривационного шага, степени семантической связанности производного и производящего, семантической и морфонологической сочетаемости / несочетаемости аффиксов, степени употребительности слова, связи семантики слова с жизнью человека и, наконец, его стилистической окраски [Блягоз 1975; Морозова 1980; Юсупова 1980; Земская 1999].

Исследования позволили установить, что словообразовательный потенциал производных слов уменьшается с каждым деривационным шагом, кроме того, «неодинаков словообразовательный потенциал различных типов производных слов. Например, сложные слова по этому признаку явно уступают аффиксальным образованиям» [Тихонов 1990: 47]. Известно также, что «разным словообразовательным потенциалом обладают слова различных частей речи. В целом глагольные СП богаче и разнообразнее, чем СП имен существительных или прилагательных» [Тихонов 1990: 48].

Из всех перечисленных причин нас интересовало прежде всего влияние степени смысловой связи между производным и производящим на деривационный потенциал СМ в разных комплексных единицах словообразовательной системы – парадигмах, цепочках и гнездах.

Мы воспользовались традиционной классификацией по частям речи; по необходимости учитывался такой фактор, как способ словообразования. Сначала описывались производные слова, реализующие словообразовательный потенциал, а затем производные, его не реализующие.

Подавляющее большинство метафорически мотивированных существительных, образующих словообразовательные парадигмы (СП), относятся к ЛСГ «наименование лица по свойствам характера, поведению». Актуальность именно этой семантической группы еще раз подтверждает антропоцентрическую направленность словообразовательной метафоры: *человек* как объект наблюдения и языкового воплощения оказывается самой важной, ядерной частью всей предметно-понятийной сферы.

В парадигмах реализуются в основном следующие словообразовательные значения: 1) существительные, обозначающие: а) 'женское соответствие к лицу мужского пола': *нахлебник* → *нахлебница*; *сердцеед* → *сердцеедка*; *ветрогон* → *ветрогонка*; *голодранец* → *голодранка* и др.; б) 'поведение лица, названного в производящей основе': *головотяп* → *головотяпство* 'поведение головотяпа'; *стихоплёт* → *стихоплетство* 'сочинение плохих, бездарных стихов'; *крючоктвор* → *крючоктворство* 'канцелярская волокита, бюрократические придирки' и др.; 2) глаголы со значением 'вести себя как лицо, указанное в производящей основе': *лоботряс* → *лоботрясничать* 'бездельничать';

верхогляд → *верхоглядничать* 'быть верхоглядом'; *дармоед* → *дармоедничают* 'быть дармоедом'; 3) прилагательные со значением отношения к предмету: *лизоблюд* → *лизоблюдский*; *мироед* → *мироедский*; *прихлебатель* → *прихлебательский*; *захребетник* → *захребетнический*.

Словообразовательные парадигмы СМ различаются по количественному составу производных (от одного до четырех), однако среднее число членов в парадигме (цифра округлена в сторону увеличения) – два, т.е. словообразовательный потенциал в среднем невысокий. Для всего числа субстантивных СМ эта цифра вообще ничтожна мала – 0,3. Слабая деривационная активность проявляется и в том, что субстантивные СМ практически не образуют словообразовательных цепочек – метафорическое значение дальше первой ступени передается очень редко, например: *хлебосол* → *хлебосольный* → *хлебосольно*; *головокружение* → *головокружительный* → *головокружительно*.

Семантического насыщения в гнезде не происходит: все производные относятся либо к синтаксическим дериватам (*хлебосольный*, *мироедский*), либо к модификационным типам (*дармоедка*, *сердцеедка*, *мзеевичок*). Таким образом, словообразовательные метафоры проявляют те же свойства, что и лексические метафоры, значения которых усваивают «лишь производные, лишенные фразеологичности семантики, прежде всего синтаксические дериваты» [Ермакова 1984: 82].

Значительная часть производных существительных-СМ не реализует словообразовательного потенциала, т.е. от них не образуется ни одно из производных из стандартного набора дериватов.

Основная причина деривационной неактивности – в предикативном характере значения многих СМ: *проходимец* 'мошенник', *головорез* 'бандит, убийца', *малокосос* 'очень молодой, незрелый человек', *белоручка* 'человек, который чуждается физической или вообще трудной работы' и др. Являясь оценочными наименованиями, т.е. выполняя характеризующую функцию, подобные производные не образуют, например, адъективных и глагольных дериватов, выражающих ту же характеризующую функцию. Кроме того, характеризующая функция резко ограничивает круг лексической сочетаемости слов, что также тормозит словообразовательный потенциал.

Для многих СМ основной (или сопутствующей) причиной словообразовательной неактивности является морфонологическая или семантическая несочетаемость морфем. Ср. невозможность образования относительных прилагательных или деминутивов от слов *кровопийца*, *проходимец*, *недотрога*, *блюдализ*, *заваль*, *подножие*, *преддверие*.

У деривационного «предела» находятся производные со значением отвлеченного действия: *мальчишество*, *палачество*, *школьничество*, *штурмовщина*, *поползновение*.

Отфразеологические образования не допускают глагольных производных, поскольку возникает смысловой круг, или словообразовательный круг, т.е. совпадение значений фразеологизма и отсубстантивного

глагола, мотивированного отфразеологичным существительным: *коптить небо* → *небокопнитель* → <*небокопительство*>; *втирать очки* → *очковтирательство* → <*очковтирательство*>. Кроме того, большая звуковая протяженность также накладывает ограничения на сочетаемость с аффиксами.

Семантика некоторых производных накладывает ограничения на образование относительных прилагательных (при потенциальной возможности подобных образований). Например, СМ *волнолом*, *волнорез*, *небоскреб* не находят реального языкового воплощения в адъективных дериватах *волноломный*, *волнорезный*, *небоскребный*, поскольку нет области семантического приложения данных прилагательных: отсутствуют существительные, требующие подобной характеристики. Синтаксически возможные сочетания типа *волноломное сооружение*, *небоскребное строение* вступают в противоречие со смысловой валентностью, поскольку возникают плеонастические конструкции.

Реализации словообразовательного потенциала слов зачастую «мешает» прагматика. Так, от большинства существительных потенциально возможны формы субъективной оценки, в частности деминутивы: *блюдолиз* → <*блюдолизик*>, *лоботряс* → <*лоботрясик*>, *дармоед* → <*дармоедик*>, *крохобор* → <*крохоборчик*>, однако негативная оценочность большинства производных является фактором, препятствующим образованию подобных форм, поскольку они нивелируют пейоративную оценку слов. Заложенные в словообразовательной системе, они не находят реального речевого воплощения.

Некоторая часть словообразовательных метафор относится к малоупотребительной (иногда – устаревшей) лексике: *волнолом*, *шкуродер*, *пустослов*, *горлан*, *щелкопер*, *борзописец*.

Еще одна причина деривационной неактивности производных в том, что большинство субстантивных СМ относятся к стилистически сниженной лексике, а «стилистическая окраска значения ограничивает словообразовательные возможности слова» [Блягоз 1975: 407–408].

Причинам чисто языковым могут сопутствовать экстралингвистические. Например, не образуют производных-наименований женского лица существительные, обозначающие лиц мужского пола с характерными только для них качествами: *рогоносец* ‘мужчина, которому изменяет жена’, *подкаблучник* ‘муж, находящийся в подчинении у жены’, *любочник* ‘любитель ухаживать за женщинами’.

Состав парадигмы глагольных СМ зависит прежде всего от частеречной принадлежности производящего слова: отглагольные и отсубстантивные производные имеют разный набор дериватов.

Типовую парадигму отглагольных словообразовательных метафор составляют отглагольные прилагательные (адъективированные причастия), *nomina actionis* и гораздо реже – *nomina agentis*: *взвинтить* ‘привести в крайне возбужденное, нервное состояние’ → *взвинченный* → *взвинченность*; *возродить* → *возродиться*, *возрожденный*, *возрождение*;

переродиться 'стать совсем иным, измениться; преобразиться' → *перерождение, перерожденец* → *перерожденка, перерожденческий, перерожденчество* и др.

Деривационным разнообразием производные не обладают: метафорическое значение передается в основном синтаксическим дериватам (*возрождение, перерождение, развенчание, неизгладимость*). Единичными случаями представлены наименования лица (*перерожденец*) и существительное с собирательной семантикой (*издержки*). Т.о., дальнейшего смыслового насыщения в гнездах метафорических глаголов не происходит.

Глубина гнезда также оказывается в общем небольшой – не далее первой-второй ступени. Однако причина тому не столько семантическая, сколько формальная: производящие СМ-глаголы сами являются производными словами, иногда со сложным морфемным составом.

Отсубстантивные производные имеют различный состав парадигм, в зависимости от способа словообразования.

Суффиксальные производные стремятся реализовать в парадигме прежде всего различные префиксальные типы, так или иначе уточняющие, конкретизирующие семантику глагола. Сочетаемость с приставками достаточно узкая, поскольку отыменные глаголы в отличие от непроизводных выборочно сочетаются с приставками. Выбор префикса зависит прежде всего от словообразовательного типа глагола: *бычиться* → *набычиться* 'нахмурившись и слегка опустив голову, смотреть исподлобья; насупиться', *сбычиться* 'принять угрюмый вид, наклонив голову'; *ежиться* → *поежиться* 'ежиться некоторое время'; *химичить* → *схимичить* 'сделать что-л. предосудительное'; *нахимичить* 'наделать чего-то непонятного, ненужного; сделать то, что приводит к негативным последствиям'; *цыганить* → *выцыганить* 'выпросить, выклянчить' и под.

В отсубстантивных парадигмах, таким образом, за счет приставочных образований и их производных происходит смысловое обогащение гнезда.

Конфиксальные производные, как и отглагольные дериваты, образуют прилагательные и *nomina actionis*: *озадачить* → *озадаченный*; *искоренить* → *неискоренимый, искоренение*; *овеществить* → *овеществление*; *окрылить* → *окрылённый* → *окрылённость*; *разбазарить* → *разбазаривание*.

Глагольные словообразовательные метафоры обладают – в общей массе – невысоким словообразовательным потенциалом: среднее число производных в парадигме – два. При этом мы учитывали производные, образующие собственную парадигму. Среднее число производных в СП для всех глагольных СМ составляет величину меньше единицы (0,79).

Однако гораздо чаще, чем у существительных, значения передаются дальше по цепочке (в 18 случаях). Отличие отглагольных СМ проявляется также в том, что члены парадигмы образуют свои СП из двух-трех производных (*перерожденец, осовет, остолбенеть, одеревенеть,*

оцепенеть, петушиться), что способствует структурно-смысловому обогащению гнезд.

Обращает на себя внимание тот факт, что от глагольных СМ практически не образуются производные *nomina agentis*. От глаголов, обозначающих состояние, наименования лиц не образуются вообще⁵. Глаголы поведения мотивируются либо наименованиями лиц (*франт, школьник*), либо зоонимами (*бык, обезьяна, петух*), содержащими характеристику человека. Образование *nomina agentis* в этом случае привело бы к появлению словообразовательного круга: *франт* → *франтить* → *<франтитель>*.

Половина глаголов (45 единиц) из общего числа производных (88), не реализуют словообразовательного потенциала. В большинстве своем это глаголы, имеющие приставку, что создает препятствие для образования приставочных производных.

Одна из основных причин словообразовательной неактивности производных – крайне слабая семантическая связь с производящим: *изжить* ‘избавиться, освободиться от чего-либо дурного, нежелательного; устранить, искоренить’, *намахать* ‘написать, нарисовать и т.п. быстро и небрежно’, *огреть* ‘сильно ударить’, *подмахнуть* ‘поставить свою подпись под чем-либо; подписать что-либо наспех или не читая подписываемого’, *проморгать* ‘упустить, не заметить прозевать’, *угрохать* ‘убить’, *улизнуть* ‘уйти, скрыться незаметно, потихоньку’.

Важным фактором, тормозящим реализацию словообразовательных потенций, является стилистическая окраска производных. Так, например, от имперфективных форм многих глаголов потенциально возможны образования *nomina actionis*: *подмахивать* → *<подмахивание>*; *просаживать* → *<просаживание>*; *раскошеливаться* → *<раскошеливание>*, однако разговорно-просторечные основы стилистически не согласуются с книжным суффиксом *-ни(е)*.

Способ словообразования также влияет на деривационный потенциал производных: конфиксальные или префиксально-суффиксально-постфиксальные производные гораздо реже образуют парадигмы, так как они обнаруживают большую семантическую декорреляцию с производящими, по сравнению с приставочными образованиями, поскольку семантика конфикса более чётка, определённа и чаще всего моносемична: *зарапортоваться* ‘запутаться, наговорить лишнего, вздорного, рассказывая что-л.’, *прошвырнуться* ‘пройтись, прогуляться’, *окрыситься* ‘в раздражении, в злобе наброситься на кого-л.; раздражённо, злобно ответить кому-л.’, *рассиропиться* ‘разнежиться,

⁵ В парадигме непроизводных глаголов эта словообразовательная лакуна восполняется субстантивированными причастиями: *Слышно было только, как фыркали и жевали лошади да похрюпывали стяпцы* (А.Чехов). Отдельтивные глаголы типа *стареть, слабеть, тунеть, веселиться* и др. не образуют именн. лиц, поскольку они образуются непосредственно от прилагательных: *старик, тупица, весельчак* и под.

впасть в sentimentalное настроение', *прикарманить* 'присвоить, взять себе' и др.

Небольшое число суффиксальных и постфиксальных производных также не образует СП: *чужунеть* 'становиться тяжёлым', *гвоздить* 'упорно, с силой бить, колотить', *ишачить* 'выполнять тяжёлую работу', *школьничать* 'вести себя так, как это свойственно школьнику, ребячиться', *гусарить* 'вести себя подобно гусару; проявлять молодечество, удаль'. Основная причина – стилистически сниженная окраска производных, которая ограничивает сочетаемость аффиксов с основой, а также сужает сферу речевого употребления СМ, поэтому потенциально возможные приставочные образования оказываются невостребованными.

В отличие от существительных и глаголов, словообразовательный потенциал СМ-прилагательных – в общей массе – гораздо выше и не зависит от частеречной характеристики производящего, однако регулярность реализации деривационного потенциала уступает место качественному составу производных парадигмы, которая включает дериваты двух типов – *nomina abstracta* и наречия. Синтаксические дериваты не образуют новых смыслов, меняя лишь грамматические показатели производящего: *беспочвенный* → *беспочвенность*; *бессердечный* → *бессердечие*, *бессердечность*, *бессердечно*; *вкрадчивый* → *вкрадчивость*, *вкрадчиво*; *дальновидный* → *дальновидность*, *дальновидно*; *близкий* → *близкость*, *близко*; *безмозглый* → *безмозглость*; *двоедушный* → *двоедушие*, *двоедушно*; *двуличный* → *двуличие*, *двуличность*; *приземистый* → *приземистость*, *приземисто*; *щекотливый* → *щекотливость*, *щекотливо* и др.

Среднее число производных в парадигме, так же как и у глагольных и субстантивных СМ – два. Среднее число производных в парадигме для всей массы адъективных СМ равно единице.

Поскольку в парадигмах отадъективных СМ реализуются только два типа производных – синтаксические дериваты *nomina abstracta* и наречия, семантического насыщения не происходит. В этом смысле прилагательные резко противопоставлены отглагольным и отсубстантивным словообразовательным парадигмам, где наблюдается семантическая трансформация СМ. Наличие только данных типов производных является причиной того, что адъективные СМ не образуют словообразовательных цепочек: структурно-смысловое развитие заканчивается на наречиях и отвлеченных существительных.

Некоторые прилагательные не реализуют словообразовательного потенциала. Основная причина – морфонологическая несочетаемость аффиксов: *горластый* 'обладающий громким, крикливым голосом', *драконовский* 'крайне жестокий, беспощадный' (от данных прилагательных потенциально возможно образовать только наречия: *горласто*, *драконовски*), *загребущий* 'стремящийся много захватить; очень жадный', *продувной* 'хитрый, плутоватый'.

СМ-наречия обладают нулевым словообразовательным потенциалом: развитие семантики корневого слова останавливается на них. Они завершают структурно-смысловое развитие исходного слова. Однако данная особенность характерна для всех производных наречий вообще: они являются замыкающим звеном словообразовательной цепи. Фактор морфонологической и стилистической сочетаемости аффиксов оказывается в этом случае нерелевантным: *вполголоса* 'не громко, не полным, пониженным голосом'; *вполуха* 'без достаточного внимания (слушать)'; *мертвецки* 'совершенно, до бесчувствия', *вполноги* 'не в полную силу; слабее, чем можно было бы', *подчистую* 'полностью, без остатка', *припеваючи* 'хорошо, в довольстве, в полном благополучии' и др.

Таким образом, СМ обладают невысоким словообразовательным потенциалом. Общее число производных в СП для всех частей речи (за исключением наречий) составляет два. Для всей массы производных (в том числе не реализующих словообразовательного потенциала) средняя величина составляет 0,7 единицы.

Основная причина слабого словообразовательного потенциала СМ нам видится в следующем. При образовании СМ происходят существенные семантические сдвиги (иногда семантика производящего в производном настолько трансформируется, что установить смысловую связь между ними очень сложно); огромная энергия затрачивается на создание нового смысла и в большинстве случаев на этом этапе она и иссякает, возникает своего рода семантическая энтропия.

Вследствие этого деривационное продолжение обычно не приводит к семантическому обогащению парадигмы: все производные относятся либо к синтаксическим дериватам (в адъективных СП – только к ним), либо к модификационным типам. Большее разнообразие в этом смысле наблюдается в глагольных СП, где незначительные трансформации семантики производящего осуществляются за счет приставочных образований и их производных. Некоторые смысловые сдвиги в глагольных парадигмах дают толчок к дальнейшему деривационному развитию уже в словообразовательной цепи, тогда как субстантивные СМ передают свое значение по цепи всего в двух случаях, а прилагательные СЦ вообще не образуют.

Помимо смыслового расхождения производного и производящего, к общим причинам, тормозящим словообразовательную активность СМ, относятся: 1) морфонологическая и/или семантическая несочетаемость морфем; 2) стилистически сниженный характер производных основ. Стилистическая окраска сужает сферу употребления слова и накладывает ограничения на сочетаемость аффиксов; 3) фактор прагматики, проявляющийся в невозможности образования каких-либо типов производных или их функциональной «ненужности».

Мы установили также непосредственную связь между деривационной активностью производных и типом СМ, однако для каждой части речи эта связь проявляется по-разному.

Из всего количества субстантивных производных, образующих СП (29), только четыре относятся к внешней и внутренней СМ, т.е. обнаруживают тесную связь с производящим. Остальные СМ относятся к ассоциативному типу. Следовательно, деривационный потенциал возрастает в тех случаях, когда производное обнаруживает значительное смысловое расхождение с производящим. Но при этом для всей массы субстантивных СМ слабая смысловая связь между словами является основной причиной невысокой деривационной активности.

У адъективных и глагольных производных, в отличие от субстантивных, наибольшим словообразовательным потенциалом обладают СМ внутреннего типа: из всех глаголов, образующих парадигму (38) пятнадцать относятся к внутренней метафоре. Тем не менее ассоциативные СМ также проявляют большую продуктивность, по сравнению с внутренней и экспрессивной СМ: одиннадцать производных этого типа передают значения дальше по цепочке.

Во втором параграфе исследуется семантический потенциал словообразовательных метафор.

Одна из центральных проблем семантики – исследование механизмов языкового расширения, т.е. причин и условий развития вторичных значений, развития полисемии. Традиционно полисемия изучалась как результат актуализации различных смысловых компонентов базового слова, в результате чего была создана теория иерархии сем в структуре слова (ядерные, дифференциальные, периферийные, потенциальные) [Стернин 1979; Васильев 1971; Чудинов 1988], а само описание сводилось к инвентаризации и классификации существующих значений.

Когнитивная семантика, начиная с Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и др. развивает *прототипную теорию* значения, главная идея которой – «не пытаться определить значение слова в виде конечного списка признаков <...>, а описать значение слова как прототипический каркас, т.е. набор свойств прототипического денотата» [Кобозева 2007: 160], в связи с этим полисемия понимается как осваивание человеком «нового, неосвоенного через данное, освоенное им известное, моделирование новых объектов и ситуаций с помощью уже имеющихся у него семантических структур» [Кустова 2004: 23].

Проблема семантического потенциала рассматривалась в основном на материале непроемкой лексики, что вполне объяснимо: непроемкое слово обладает немотивированным значением, т.е. условным названием соответствующих явлений объективной действительности (является инвариантом, точкой отсчета смыслопорождения), тогда как семантика производного слова так или иначе рассматривается через значение своего мотивирующего.

Однако проблема в том, что производные слова могут не только усваивать (или не усваивать) значения производящего, но и развивать собственные значения, т.е. обладать собственным семантическим потенциалом.

Понятие семантического потенциала слова «включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту» [Кустова 2004: 11].

При исследовании семантического потенциала словообразовательных метафор мы опирались не только на данные различных словарей, но и на текстовые источники, поскольку «взаимоотношения лексического значения слова в языке и речевые условия его реализации» имеют весьма подвижную, зыбкую границу, и не всегда возможно установить, является ли данное употребление только «модификацией словесной семантики в пределах одного значения» [Чудинов 1988: 18-38] или же это изменение отражается в парадигматике, т.е. на уровне всего слова. Кроме того, текстовый материал позволяет проиллюстрировать значения (или оттенки значений), не зафиксированные в словарях. Важным является также тот факт, что для формирования семантики производного слова первостепенное значение имеют лексическая и синтаксическая сочетаемость исходного слова. Именно в определённом синтаксическом (или лексическом) окружении актуализируются «скрытые семь» мотивирующего слова, составляющие в производном так называемые «семантические приращения», в которых «в скрытом, имплицитно не выраженном виде» содержится та информация, «которая была связана с лексической сочетаемостью мотивирующего слова в исходной мотивирующей структуре» [Кубрякова 1981: 165-170].

Основными задачами данного параграфа явились следующие: 1) выявление общих и частных причин развития вторичных значений у словообразовательных метафор, а также причин, ослабляющих семантический потенциал производных; 2) установление степени семантической близости между значениями внутри одной лексемы. Указанный анализ проводился в связи с учетом двух типов связи значений словообразовательных метафор – последовательная и параллельная мотивации (иными словами, цепочечная и радиальная связь значений).

Под *последовательной мотивацией* мы понимаем образование вторичного значения производного от исходного значения, т.е. его обусловленность первичным значением: *подножие*. 1. Место у самого низа, основания чего-либо возвышающегося: *Через пять минут уже стояли у подножья. Заросший мелкой порослью пригорок был по-русски неухожен* (Г. Щербакова). 2. То же, что пьедестал: *К постаменту была прислонена деревянная лесенка. Места наверху хватало только на одного, поэтому остальные активисты и агитаторы сгрудились у подножья* (М. Веллер). В основу вторичного значения кладется сема 'основание'.

Параллельная мотивация – развитие нескольких значений производного слова, связанных либо с различными значениями производящего, либо образовавшихся в результате реализации различных значений аффикса: *змеевик*. 1. Трубка, обычно изогнутая спирально, употребляемая при перегонке жидкостей в различных тепловых

установках: Кроме установки змеевика, нашему маэстро пришлось еще заниматься утоплением труб в стену в ванной комнате (И.Курьянова).

2. Плотная горная порода зеленого цвета, с пятнами: В последние десятилетия возникли промыслы, связанные с обработкой твердых пород уральского камня, среди которых самые популярные – змеевик, яшма, родонит, мрамор, лабрадорит (Жизнь национальностей, 2004). 3. Травянистое растение семейства гречишных, с толстым, змеевидно изогнутым корневищем: *Змеевик имеет мощную корнеотпрысковую систему* (Репортер). В первом и третьем ЛСВ значение производного базируется на семантическом элементе ‘напоминающий по форме змею’, второе ЛСВ – результат актуализации периферийной семы ‘окраска’. Такие значения находятся между собой в отношениях семантической смежности, они «являются результатом неоднократного действия словообразовательной модели» [Ермакова 1984: 118].

При описании соотношения лексических значений одного слова исследователь сталкивается с несколькими трудностями. Во-первых, это установление инварианта значения, во-вторых, выявление типов связи – параллельная или последовательная: в производном слове эта задача осложняется наличием словообразовательного значения, нередко «затмевающего» лексическое, в-третьих, установление степени «производности» – является ли данное значение самостоятельным ЛСВ или оно представляет собой оттеночное значение. Опора только на словарные дефиниции не поможет преодолеть эти трудности, так как известно, что лексикографическая практика толкования слов-полисемантов далека от идеала, поэтому в каждом конкретном случае данные словарей подвергались тщательному анализу. Поскольку и при этом условии невозможно избежать субъективного фактора, мы не настаиваем на однозначности решения задач в описании семантики конкретного производного слова.

Проведенный анализ показал, что словообразовательные метафоры обладают невысоким семантическим потенциалом. Это проявляется не только в том, что СМ редко развивают вторичные значения, но и в том, что большинство из этих значений развиваются в результате варьирования семантики исходного ЛСВ, а не за счет актуализации разных смысловых компонентов производящего, т.е. последовательная мотивация преобладает над параллельной.

Основная причина слабого деривационного потенциала СМ видится нам в следующем: формирование метафорического значения происходит одновременно с изменением морфологической структуры слова, в результате чего создается огромное семантическое напряжение, и весь семантический заряд тратится на создание нового смысла.

Семантический потенциал производных с метафорической мотивацией связан с типами СМ по степени их смысловой связи с производящим: наибольшим семантическим потенциалом обладают СМ внутреннего типа и некоторые производные ассоциативного типа,

сохраняющие прозрачную связь с производящим, т.е. потенциал ослабляется на крайних точках семантической связи: когда связь достаточно сильная (внешняя СМ) и очень слабая (большинство ассоциативных СМ и экспрессивные СМ).

Семантическая неактивность связана также с частеречной принадлежностью СМ и особенностями конкретных словообразовательных типов. Так, более высоким семантическим потенциалом обладают имена прилагательные, т.к. их «расплывчатая» семантическая структура дает больше возможностей для смыслового варьирования.

Для глаголов важным условием реализации / нереализации семантического потенциала является принадлежность слова к той или иной сфере внеязыковой реальности: слова, обозначающие конкретные действия (движения, созидания, разрушения), семантически более богаты, чем глаголы, описывающие не наблюдаемые внутренние состояния и поведение.

Наименьшую семантическую активность проявляют сложные слова, что связано со спецификой их значения, обусловленной, в свою очередь, их словообразовательной структурой, содержащей отсылку минимум к двум производящим. Наличие двух корней, отражающих взаимосвязь различных понятий, предопределяет достаточно узкое лексическое значение композита и, естественно, тормозит его семантический потенциал.

У глаголов нулевой семантический потенциал характерен для конфиксальных производных, имеющих не только сложный морфемный состав, но и вполне четкое лексическое значение, обусловленное его словообразовательной структурой.

В четвертой главе «Словообразовательная метафора в истории русского языка»

В первом параграфе кратко рассматриваются проблемы, связанные с тремя основными подходами в изучении производных слов – синхроническим, диахроническим и синхронно-диахроническим.

Особенность нашего исследования в том, что сначала мы описали синхронное состояние словообразовательной метафоры, а затем проследили историю ее развития. Выбор подобного подхода обусловлен своеобразием, разнородностью материала: совмещение двух подходов в один привело бы к размытости описания, постоянному «крену» в ту или иную сторону. На наш взгляд, изучение фактов языка в диахронии представляет интерес прежде всего для выявления того, почему системные отношения между языковыми единицами выглядят именно таким образом, а также для раскрытия причин системных отклонений в современном состоянии языка. В нашем случае реализовать такой подход было возможно лишь описав сначала современное состояние анализируемых слов, а затем проследив историю их возникновения и семантического развития.

Во втором параграфе («История формирования словообразовательных метафор») рассматриваются различные способы образования СМ. Словообразовательная метафора – явление весьма разнородное по своему происхождению; она могла возникать: 1) в самом деривационном акте; 2) вследствие утраты первичного (прямого) значения производного; 3) СМ – результат словообразовательного или семантического калькирования.

Во многих случаях компоненты производного слова получили метафорическое переосмысление в самом деривационном акте. Т.е. образное значение производного базировалось непосредственно на словообразовательном значении слова, не получившем лексической реализации. Исторические словари фиксируют только переносную мотивацию таких производных. Словообразовательный анализ данной группы слов был проведен нами в п. 2.2. Второй главы, поэтому ограничимся простым перечислением некоторых примеров с указанием времени первой фиксации.

Древнерусский период (XI-XV века): *издержати*, *пронырѣ*, *вслаждати* (XI в.), *възыграти*, *ижитиса*, (XII-XIII в.), *кровопивецъ*, *безмятежныи* (XIII в.), *безчеловѣчный* (XIII-XIV в.), *отщепеньцъ* (XV в.), *привнести* (XV в.).

Старорусский период (XVI-XVII века): *скоротечный* (XVI в.), *крохоборъ*, *пронюхать*, *приземистый*, *простосердечный* (XVII в.).

XVIII век: *безмозглый*, *белоручка*, *бумагомаратель*, *бычиться*, *верхогляд*, *взбеленить*, *вполголоса*, *головорез*, *дармоед*, *глубокомысленный*, *двоедушный*, *ежиться*, *захребетник*, *завалящий*, *змеистый*, *колесь*, *мешковатый*, *маячить*, *нахлебник*, *окрыситься*, *остроглазый*, *перешеек*, *плевый*, *предвкушать*, *приструнить*, *прихлебатель*, *ребячиться*, *сатанеть*, *сердцевина*, *стекленеть*, *хлебосол*, *чревоугодие*, *школить*, *юлить* и др.

XIX век: *беспредметный*, *бесследный*, *буквоед*, *бумагомарака*, *взгорбиться*, *волнолом*, *волнорез*, *всепожирающий*, *вулканизировать*, *головоломка*, *головомойка*, *горлодер*, *гусарить*, *душераздирающий*, *ериштый*, *змеиться*, *колпачить*, *лапать*, *лоботряс*, *лицевать*, *мальчишество*, *миндальничать*, *мироед*, *меднолобый*, *низкопробный*, *новоиспеченный*, *отрог*, *прикарманить*, *пружинистый*, *разбазарить*, *раскошелиться*, *роговик*, *сердцеед*, *собачить*, *советъ*, *столбенеть*, *тупоголовый*, *цепенеть*, *цыганить*, *чинодрал*, *школьничать* и др.

XX век: *аллилуйчик*, *аховый*, *безликий*, *беспочвенный*, *бронзоветь*, *вполноги*, *вполуха*, *вразрез*, *вчистую*, *выкаблучиваться*, *гробить*, *забегаловка*, *занюханый*, *запселей*, *ишачить*, *лавинорез*, *молниировать*, *назубок*, *нервотрепка*, *песочить*, *подтекст*, *подчистую*, *позарез*, *проморгать*, *прошвырнуться*, *прошляпить*, *стиногрыз*, *тугодум*, *тугоухий*, *футболить*, *химичить*, *икуродер*, *штурмовщина* и др.

Многие словообразовательные метафоры исторически восходят к метафорам лексическим, т.е. их переносное значение исконно – результат внутрисловной деривации: *быстротечный* ‘текущий, льющийся быстро’,

внутрисловной деривации: **быстротечный** ‘текущий, льющийся быстро’, **легковесный** ‘имеющий малый или недостаточный вес’, **веский** ‘имеющий много весу при малом объеме’ [БАС], **молокосос** ‘питающийся материнским молоком’ [СРЯ XVIII]. В настоящее время эти значения считаются устаревшими или мыслятся как окказиональные (*молокосос*). В новых толковых словарях они вообще не фиксируются.

Утрата первичного значения производного слова происходила: а) вследствие арханизации первичного значения; б) вследствие изменения значения морфемы (аффиксальная декорреляция).

Архаизация первичного значения и развитие метафорической мотивации происходит по разным причинам.

Прежде всего оно утрачивается вместе с теми реалиями, которые были свойственны для определенного исторического периода: социальными явлениями, профессиями и др. Так, существительное **мешочник** ‘шьющий мешки, торгующий ими’ [Даль], означавшее достаточно узкую специализацию лица, также семантически переориентировалось после утраты соответствующего рода занятия. В настоящее время мешочником называют ‘человека, занимающегося скупкой, перевозкой вручную и продажей каких-н. товаров’, при этом чаще всего слово употребляется с негативной оценкой: *Мы <...> пришли к заключению, что от девальвации никто не пострадает, даже торговцы импортным товаром и мешочники* (А.Тарасов). Отрицательная оценка была унаследована от ныне исчезнувшего значения, актуального в годы гражданской войны – ‘человек, скупавший и перевозивший в голодные годы хлеб’ [ТСУ]: *Если же мы рассмотрим данные о провозе хлеба мешочниками, – были недели, когда приходилось разрешать свободный провоз, – то окажется, что за те же три недели мешочники могут провезти не более 200 тысяч пудов* (Л. Каганович). Если говорить точнее, значение не исчезло, а расширило свое употребление и стало обозначать вообще спекулянта.

Аналогичный процесс наблюдался у производных **вуалировать** ‘намеренно делать неясным, затемнять суть чего-либо’ (< ‘прикрывать, покрывать вуалью, скрывать от взоров’); **первостатейный** ‘превосходящий всех других себе подобных’ и ‘имеющий основное значение’ (< ‘относящийся к первой статье, к первому разряду’); **застрельщик** ‘тот, кому принадлежит почин в каком-л. деле’ (< ‘солдат в рассыпном строю, который первый встречался с противником’); **барствовать** ‘жить в роскоши, праздности; бездельничать’ (< ‘жить барином’); **бичевать** ‘резко изобличать, подвергать суровой, жестокой критике’ (< ‘наносить удары бичом, сечь’) и др.

Первичное значение утрачивалось также в результате «конкуренции» синонимов: оно замещалось: а) однокоренным словом с синонимичным формантом; б) словом аналогичной словообразовательной структуры; в) неоднокоренным словом с иной словообразовательной структурой.

Прямое значение слова могло исчезать прежде всего в том случае, если производное имело однокорневой синоним с семантически более «нейтральным» аффиксом. Этот синоним и закреплял за собой прямое употребление, переводя другое производное в этом же значении в разряд архаизмов. В основном синонимичная замена происходила среди имен прилагательных. Например: блестящий ‘сверкающий’ – блистательный ‘издающий блеск, сверкающий, блестящий’ [БАС]: *И тамо, где металл блистательный сокрыт, там роет землю он глубокими корнями* (Ф.Тютчев) и ‘яркий, выдающийся’: *Его великолепный логический аппарат и блистательное умение формулировать* (Д.Рубина); мелкий ‘небольшой по величине, объему’ – мелочный ‘мелкий по величине, объему, размерам’ [СРЯ XVIII]: *Хозяйка <...> могла избавить себя от хлопот за мелочными потребностями домоводства* (Н.Бестужев) и ‘придающий значение пустякам, мелким, не имеющим значения фактам’: *Не подумайте, будто краснопресненский руководитель мелочно следил за подчиненными* (Ю.Поляков) и др.

Иногда прямое значение закреплялось за стилистически окрашенным производным. Прилагательные механичный и механический обозначали ‘связанный с законами и явлениями механики’: *На самомъ шпигерѣ вратъ поставихомъ палладу богиню всякихъ художествъ свободныхъ и механичныхъ; При академии искуснаго мастера механическихъ дѣлъ никогда не бывало* [СРЯ XVIII]. Оба прилагательных развивают метафорическое значение ‘производимый, действующий без участия сознания; машинный’: *Совершенно ошеломленные, мы механически оделись и вышли из клуба* (М. Зощенко); *Любовь была зла, повторяема, механична, пока смех не раздул ноздри, и он засмеялся* (Ю. Тынянов). В дальнейшем прямое, «техническое» значение закрепилось за формой с суффиксом *-ическ-*, так как этот морф широко используется при образовании слов книжного стиля, в т.ч. различных терминов: *технический, циклический, математический, хореографический, хронометрический* и др. Прилагательное механичный сохранило только качественное значение.

Первичное значение могло вытесняться производным аналогичной словообразовательной структуры, содержащим более нейтральный корень: бесхребетный ‘не имеющий хребта’ [БАС] – беспозвоночный ‘не имеющий позвоночника’. Прилагательное бесхребетный стало обозначать ‘беспринципного человека, не имеющего твердого характера’: *Мое поколение выросло бесхребетным – это все произошло из-за перемены времени* (А. Братерский).

Прямое значение производного могло вытесняться синонимом с другим корнем и словообразовательной структурой.

Слово поветрие в древнерусском языке имело следующие значения: 1 ‘попутный ветер’, 2 ‘наветренная сторона’, 3 ‘воздух’, 4 ‘эпидемия, мор’ [СРЯ XI-XVII]. В «Словаре Академии Российской» фиксируется уже только одно значение – ‘заразительный воздух, причиняющий повальные

только одно значение – ‘заразительный воздух, причиняющий повальные болезни скоту или людям’ [САР]: *Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должны* (М. Ломоносов).

По наблюдениям В.В. Виноградова, «на основе этого значения развилось к середине XIX в. переносное, носившее резкий отпечаток неодобрения ‘модное течение, модное пристрастие к чему-нибудь, носящийся в воздухе и вызывающий временное общественное увлечение образ мыслей’» [Виноградов 1999: 84]: *Поддавшись общему поветрию, я решил приобрести себе собственный транспорт* (Ф. Искандер). Переносное значение слова быстро вытеснило прямое, которое стало обозначаться иноязычным заимствованием *эпидемия*.

Во всех рассмотренных случаях важным сопутствующим фактором утраты первичного значения являлось возрастающая частотность употребления переносного значения. В некоторых случаях этот фактор выступает в качестве основной причины архаизации исходного значения. Метафорический ЛСВ становился более актуальным и отодвигал на второй план базовое значение. При этом утверждавшаяся метафора меняла стилиевой регистр слова – либо в сторону книжной, либо – разговорно-бытовой лексики.

Например, значение существительного *живоглот* отчасти выводилось из его словообразовательной структуры – ‘хищник, проглатывающий добычу в живом состоянии’: *Сам, с большим усом, да живоглот щука* (В.Даль). Это слово могло употребляться и по отношению к человеку: *Гришка поймал из воды пескарика и проглотил живого, а Денис и сказал ему: «Ишь ты, живоглот!»* (И. Шмелев). В словаре В.И. Даля впервые фиксируется переносный оттенок ‘корыстный, хапала, обидчик, взяточник, грабитель’. В [БАС] представлены прямое и оттеночное значение слова, однако в словаре под ред. Д.Н.Ушакова фиксируется только метафорическое значение – ‘эксплуататор, мироед, кулак’, т.е. прямое употребление слова уже тогда осознавалось как неактуальное. При этом на первое место выдвигалась классовая оценка: – *Бери! Не стесняйся! Чего там! / Бог вспомнил про нас, бедняков. / Была тут на днях живоглотам / Ревизия их сундуков* (Д.Бедный). Со временем классовая оценка из значения выветрилась, осталась только общая негативная оценка: ‘беспощадный и жестокий человек, притесняющий других, наживающийся за их счет’ [БТС]: – *Одно жалею, – говорил он, – не я ему, живоглоту любимому, гроб делал* (Г. Владимов). Перейдя в разряд СМ, слово приобрело стилистически сниженную окраску – оно дается в словарях с пометами «просторечное», «разговорно-сниженное».

Фактор высокой частотности образного значения привел к архаизации прямых значений производных *животрепещущий* ‘живой, затрагивающий острые и важные стороны современности; злободневный, актуальный’ (< ‘бьющийся и подпрыгивающий, трепыхающийся’; *двуликий* ‘закрывающий в себе два противоречивых свойства, начала’

подъема' (< 'давать крылья'); **афишировать** 'выставлять напоказ, подчеркивать своим поведением' (< 'объявлять в афише'); **молокосос** 'очень молодой, неопытный, не знающий жизни человек' (< 'питающийся материнским молоком') и др.

Первичное значение может архаизироваться в результате аффиксальной декорреляции, т.е. изменения значения форманта или значения словообразовательного типа. Словообразовательный тип, как и любая языковая единица, – явление динамическое. Он может как расширять, так и сужать объем мотивирующих слов. Расширение/сужение объема происходит не только в количественном, но и в качественном плане – меняется лексический состав производящих основ, смысловое соотношение между производным и производящим.

Изменения семантики формантов наблюдаем прежде всего в производных глаголах. Так, глаголы **огреть** и **взгреть** обозначали 'сделать теплым, нагреть' и 'разогреть' соответственно: *И се на лица пустыни аки сѣмя бѣло и аки ледъ на земли... идѣже огрѣяше солнце, растаяше; Всякие суды, ковши и братини, воды взгрѣвъ изутра, избу затопивъ, перемыти и вытерти* [СРЯ XI-XVII]. Эти значения фиксируются еще в [БАС] без каких бы то ни было помет. Однако уже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [ТСУ] слово **взгреть** дается как словообразовательная метафора – 'отколотить, побить; выругать': *Взгреют, конечно, за каждый лишний денёк, будь готов!* (О. Павлов), а прямое значение глагола **огреть** 'обогреть' дано с пометой 'областное'. Причем именно в этом словаре впервые фиксируется переносное значение глагола **взгреть**, тогда как значение 'ударить' глагола **огреть** существовало уже в старорусском языке: *Приишол Давид, почел ериша давить; приишол Андрей да ериша агрел* [СРЯ XI-XVII]. Форманты **о-** и **вз-** какое-то время конкурируют с другими префиксами, имеющими подобное значение – **раз-**, **на-**, **подо-** (**разогреть**, **нагреть**, **подогреть**), но в итоге конкуренции не выдерживают, поскольку в процессе языковой эволюции за ними закрепляются другие значения.

Аффиксальная декорреляция стала причиной утраты прямых значений производных слов **избегать** 'уклоняться от чего-л.' (< 'уходить, убегать'); **казнить** 'испытывать нравственные страдания, терзаться, сознавая свою вину и раскаиваясь' (< 'страд. к казнить'); **щекотливый** 'требующий большой осмотрительности' (< 'боящийся щекотки'); **змеистый** 'напоминающий движущуюся змею, извилистый' (< 'обильный змеями') и др.

Таким образом, архаизация первичного значения приводит не только к вытеснению прямого значения переносным, но и установлению новых мотивационных отношений между производным и производящим – метафорических. Степень образности метафорического значения обуславливает характер смысловой связи между словами, которая в некоторых случаях достаточно прозрачна (**щекотать** – **щекотливый**, **змея** – **змеистый**), но иногда почти не ощущается (**греть** – **взгреть**, **садить** –

некоторых случаях достаточно прозрачна (*щекотать* – *щекотливый*, *змея* – *змеистый*), но иногда почти не ощущается (*зреть* – *вззреть*, *садить* – *всадить*). Слабая связь между производным и производящим приводит к семантическому опрощению, и только четко осознаваемая расчлененность структуры производного позволяет сохранять в языковом сознании его структурно-смысловую связь с производящим.

Данный способ возникновения СМ оказывает существенное влияние на формирование лексической системы в целом, поскольку в метафорическое пространство языка вовлекаются новые слова и значения, расширяются ассоциативные связи между как между отдельными словами, так и между лексическими объединениями.

История развития из безобразного, базировавшегося непосредственно на словообразовательном акте, значения метафорического, образного, в диахронии предстает как длительный процесс, а в синхронии – как внутренний механизм взаимодействия деривационной и лексической семантики.

Небольшая группа словообразовательных метафор представляет собой словообразовательные или семантические кальки.

Большая часть калек – результат перевода с греческого языка церковных книг. В основном это сложные слова: **жестокосердие** ‘безжалостность’ < *σκληροκάριος* (*σκληρός* ‘жестокий’ и *κάριος* ‘сердце’), **сердцевед** ‘знаток человеческого сердца, душевных движений человека’ < *καρδιγνώστης* (*καρδία* ‘сердце’ и *γνώστης* ‘знаток’), **сладкогласный** ‘обладающий приятным, нежным голосом’ < *ηδύφωνος* (*ηδύς* ‘сладкий’ и *φώνη* ‘голос’), **сластолюбие** ‘стремление к чувственным наслаждениям’ < *φιλήδονος* (*φιλέω* ‘люблю’ и *ηδονή* ‘наслаждение, удовольствие’), **кровопийца** < *αἱμοπότης* (*αἷμα* ‘кровь’ и *ποτης* ‘много пьющий’), **злоречие** < *κακοῦλωτία* (*κακός* ‘злой’ и *γλῶσσα* ‘язык, речь, слово’); **раболепство** ‘рабский образ мыслей’ < *δουλοπρέπεια* (*δούλος* ‘рабский’ и *πρέπω* ‘(я) приличен’), **бессердечный** ‘жестокий, бездушный’ < *ακαρίος* (*α* ‘не, без’ и *καρδία* ‘сердце’) и др.

Кальки с греческого впервые употреблялись в текстах церковных книг, что наложило отпечаток на их стилистическую окраску – почти все они относятся к книжной лексике. Обращает на себя внимание также семантическая цельность слов данной группы: они называют лицо по характерным для него признакам или качества характера человека.

Незначительное количество СМ являются более поздними кальками с других европейских языков.

В первой трети XVIII века в русский язык входит масса иноязычных заимствований, в том числе из немецкого языка; вместе с лексическими заимствованиями появляются и словообразовательные кальки: **дальновидный** ‘предусмотрительный, предвидящий возможные последствия’ < *weitsehend* (*Weite* ‘даль’ и *sehen* ‘видеть, смотреть’); **даровитый** ‘обладающий способностями к чему-либо, талантливый’ < *begabt* ‘одаренный’; **глубокомыслие** < *tiefe Einsicht* (*tief* ‘глубокий’ и

Во второй половине XVIII века огромное влияние на формирование русского литературного языка, в том числе лексической его системы, оказывал французский язык. СМ отразила этот процесс словообразовательными кальками **буквальный** 'дословный' < *literal* (< лат. *littera* 'буква'); **змеевик** 'изогнутая спиралью трубка для охлаждения пара' < *serpentin* (*serpent* 'змея'); **чистокровный** 'настоящий, подлинный' < *pur sang*.

В XX веке появилась калька из английского языка: **небоскреб** 'высотное здание' < *skyscraper* (*sky* 'небо' и *scrape* 'скрести').

Различные способы возникновения словообразовательной метафоры приводят тем не менее к единому результату: внутренняя форма получает метафорическое переосмысление, а прямое употребление слова является окказиональным.

Метафорическая мотивация сопровождается ослаблением смысловых связей между производным и производящим, что нередко приводит к опрошению. Так произошло, например, со словами *гребень*, *крыльцо*, *коньки*, *черепок*. На наш взгляд, тенденция к опрошению наблюдается в СМ *буквальный*, *веский*, *маячить*, *мироед*, *отрог*, *проныра*, *смазливый*, где связь с производящим словом уже сейчас едва ощутима; препятствует этой тенденции пока еще прозрачная морфологическая структура данных производных.

Описание различных способов образования СМ в истории языка отчасти проливает свет на причины словообразовательной асистемности производных с метафорической мотивацией: словообразовательная метафора в целом формировалась под влиянием лексико-семантической системы, семантические изменения которой, в свою очередь, часто являлись результатом внеязыковых процессов.

В третьем параграфе («Динамика словообразовательной метафоры в диахронии») ставилась задача выяснить общие семантические закономерности в развитии СМ как особой лексико-семантической подсистемы, т.е. проследить динамику развития.

Предварительный хронологический анализ СМ подсказал нам соответствующую периодизацию материала: 1) XI–XVII вв., 2) XVIII в., 3) XIX в., 4) XX в.

Древнерусский период характеризуется слабой активностью в образовании СМ метафоры: нами зафиксировано всего 77 производных.

Количественное соотношение слов разных частей речи примерно одинаковое.

Существительные – 26 слов; имена лиц: *бѣлоручка*, *безсребрьникъ*, *безчеловѣчикъ*, *доухоборьць*, *кровопивць*, *крохоборъ*, *отъщепенць*, *подвижъникъ*, *сърдьцевѣдьць*, *сластолубьць*; наименования предметов: *сердечникъ*, *пожитъкъ*; отвлеченные имена: *издержки*, *островѣикъ*, *отъщепенство*, *простосърдечикъ*, *раболѣтикъ*, *скотьство*, *сластолубикъ*.

Прилагательные – 23 слова; обозначающие физические характеристики предмета: *едкий, приземистый, сѣхорѣкы*; обозначающие характер человека: *безмозглыи, безотвязныи, бесърдыи, безчеловѣчныи, пронирыливыи, раболѣпныи*; характеризующие отвлеченный предмет: *безличныи, безоглядыи, безповоротныи, нерѣшныи, неударжымыи, неуклонныи, скоротечныи, сладкогласныи*.

Глаголы – 22 слова; глаголы уничтожения и траты: *издържати, издържатисѧ, ижитисѧ, изгладитисѧ*; состояния: *възиграти, възкрилитисѧ, насладитисѧ, оцѣпѣти, окаменѣти*; отношения: *избѣгати, притѣснати*; психического воздействия: *възкрилити, ѿладити*; другие: *очеловѣчити, прадънословити, превзойти, привѣнести*.

Наречия – 6 слов: *навеселе, наглухо, наголову, напроломъ, наутекъ, начерно*.

Словообразовательные метафоры уже в этот период формировались словообразовательными комплексами – гнездами, парадигмами: *безмозглыи* → *безмозглость*; *безчеловѣчныи* → *бесчеловѣки*; *издържати* → *издържатисѧ, издержки*; *крохоборъ* → *крохоборничати*; *окаменети* → *окаменелыи, окамененик*; *прониры* → *пронирыство, пронирыливыи, сластолюбивыи* → *сластолюбецъ, сластолюбик*.

СМ, образовавшиеся в древнерусский период, имеют следующие особенности.

Во-первых, в основном все они служат для характеристики человека, его внутренних качеств, особенностей поведения, состояния. В них отражены самые разные качества человека: лень (*бѣлоручка*), жадность (*крохоборъ*), жестокость (*безчеловѣчныи, бесърдыи*), доброта (*мягкосердѣчик*), бескорыстие (*безсребрьникъ*), хитрость (*прониры*), угодливость (*раболѣпик*) и др.

Таким образом, уже в древнерусском языке словообразовательная метафора была противопоставлена лексической своим ярко выраженным антропоцентризмом: лексическая метафора активно развивалась и в сфере «вещного мира» [Балашова 1998].

Антропоцентризм словообразовательной метафоры древнерусского периода проявлялся и в том, что в качестве производящих основ выступали в подавляющем большинстве слова, так или иначе связанные с человеком: наименования лица и соматизмы – *раб, человек; рука, голова, сердце, кровь, лицо, мозг*; слова, выражающие духовную сферу человека: *ум, дух, слава*; прилагательные восприятия: *сладкий, острый, тесный, глухой, черный*; глаголы бытия, состояния, движения, деятельности – *жить, любить, ведать, есть, бегать, взойти, подвигаться, повернуть, пронырнуть, нести, играть, издержать, рушить, проломить, отцеплять*.

Во-вторых, большая часть СМ относится к книжной лексике, в частности к церковнославянизмам, поскольку изначально они появлялись в текстах богослужебных книг (Псалтырь, Апостол, Евангелие) и церковных

песнопений (стихир, ирмосов) и молитв: *безсребрьникъ, безчеловѣчик, доухоборъцъ, отщепенъцъ, подвижъникъ, сьрьдцевѣдъцъ, простосьрдечик, раболѣпик, неуклонныи, скоротечьныи, сладкогласныи, възкрилитик, избѣгати, изгладитисѧ, насладитисѧ, очеловѣчити, превзойти, ѡсладити* и др. Свою книжную окраску они сохранили и в настоящее время.

В-третьих, – и это обусловлено двумя предыдущими причинами – подавляющее большинство СМ относится к ассоциативному типу, т.е. образованы на основе потенциальных сем и ассоциаций.

Уже в древнерусском языке намечается основная тенденция в развитии словообразовательных метафор: они создаются прежде всего для выполнения характеризующей функции, т.е. обогащают экспрессивно-оценочную систему языка.

В XVIII веке лексикон пополняется 130 словообразовательными метафорами, из них возникшими в деривационном акте – 124; образовавшимися путем утраты прямого значения – 6; общее количество – 207. В отличие от древнерусского языка, СМ, появившиеся в русском языке в XVIII веке, представляют собой довольно пеструю в семантическом и стилистическом плане группу слов.

Существительные продолжают пополняться наименованиями лица и отвлеченных предметов.

Наименования лица расширяются не только за счет слов чисто оценочного характера – *верхогляд, дармоед, хлебосол, головорез, горлан, недотрога, нахлебник, захребетник, острослов, подлипала, пустозвон, пустомеля*, они пополняются также наименованиями, обозначающими социальную функцию: *бумагомаратель, крючкотвор, чернорабочий*.

Отвлеченные имена представлены в основном производными от уже существовавших или появившихся словообразовательных метафор, т.е. усложняли структуру словообразовательных гнезд: а) отыменные образования: *бесчеловечность, двоедушие, дальновидность, криводушие, крючкотворство, легкомыслие, оцепенелость, пронзительность, хладнокровие, хлебосольство, чистосердечность, щекотливость*; б) отглагольные образования: *возрождение, одеревенение, остолбенение, оцепенение, предвкушение, пустословие, услаждение*.

Небольшая часть отвлеченных имен представляет собой собственно словообразовательные метафоры: *варваризм, всеоружие, кривотолки, мозголом, рифмачество, упадок, хищничество, кревоугодие*.

Наименования конкретных предметов составляют незначительную часть всех субстантивных СМ: *глазунья, душегрейка, заваль, змеевик, сердцевина*.

Большинство СМ-прилагательных, как и в древнерусском языке, обозначают характер человека, свойства натуры, интеллектуальные способности: *воинствующий, дальновидный, двоедушный, двуличный, закоренелый, запальчивый, криводушный, легкомысленный, невозмутимый, одержимый, пустоголовый, слабодушный, хладнокровный, хлебосольный*.

способности: *воинствующий, дальновидный, двоедушный, двуличный, закоренелый, запальчивый, криводушный, легкомысленный, невозмутимый, одержимый, пустоголовый, слабодушный, хладнокровный, хлебосольный.*

Отдельную группу составляют СМ со значением физической характеристики лица – его внешности или физического состояния: *задеревенелый, лупоглазый, одеревенелый, остолбенелый, остроглазый, оцепенелый, смазливый, угловатый.*

Значительную часть составляют слова, описывающие отвлеченный предмет. Большинство из них так или иначе связаны с характеристикой самого человека: *безотрывный, безудержный, буквальный, вопиющий, головоломный, неизбежный, неизгладимый, неискоренимый, непреходящий, патриархальный, хитросплетённый, чистосердечный.*

Небольшим количеством слов представлена группа прилагательных, описывающих физические характеристики неодушевленного предмета: *завалищий, змеистый, мешковатый, развалистый,*

Глагольные СМ пополняют разнообразные лексико-семантические группы, но все действия, процессы, ими обозначаемые, связаны с человеком: глаголы поведения: *бабничать, бычиться, горланить, ершиться, окрыситься, ребячиться, юлить;* состояния; изменения состояния: *взбелениться, воодушевиться, вскружиться, ежиться, цепенеть;* отношения: *взъестся, приструнить, втесаться, школить;* психического воздействия: *воодушевить, излясть, измотать, обездушить, уломать, усладить;* физического воздействия: *вломить, изрешетить, накостылять, размочалить;* движения, перемещения: *вломиться, ворваться, колесить, продираться, смахать, улизнуть, ускользать.*

Зафиксировано также несколько наречий: *вскользь, всмятку, наотрез, невпопад.*

Появление многих словообразовательных метафор объясняется экстралингвистическими причинами. Они запечатлели важные моменты тех бурных социально-политических процессов, которые происходили в первой половине XVIII века, резко изменивших жизненный уклад российского общества. Например, слова *бумагомаратель* ‘писака’, *крючоктвор* ‘чиновник, затягивающий и запутывающий судебные и административные дела’ отражали новую складывающуюся систему управления государством – формирование огромного, разветвленного чиновничьего аппарата.

В XIX веке словообразовательная метафора расширяет свои границы как за счет слов, появившихся в деривационном акте – 129, так и за счет производных, утративших прямое значение – 18. Общее количество СМ в XIX веке – 354 единицы.

Имена существительные продолжают пополняться наименованиями лиц. Они отражают различные стороны человеческой жизни: поведенческие характеристики: *ветрогонка, горлодер, губошлеп, прихлебала, пустоплёт;* свойства характера: *лоботряс, сладострастник, словоблуд, чистоплюй;* социальные отношения: *мироед, притесни-*

тельница; профессиональную деятельность: *буквоед, рифмоплёт, чинодрал, шелкопер*; социальный статус: *оборванец, перерожденец*. Лексически разнообразные, имена лиц тем не менее образуют цельную смысловую группу, поскольку все они содержат оценочную – во всех случаях отрицательную – характеристику именуемых объектов. Коннотативное оценочное значение превалирует над денотативным.

Отвлеченные имена, как и в XVIII веке, в большинстве своем выступают в качестве синтаксических дериватов к уже существующим адъективным или глагольным наименованиям, т.е. не образуют новых смыслов, но усложняют словообразовательное гнездо: а) отсубстантивные производные: *буквоедство, дармоедство, ротозейство, словоблудие*; б) отадъективные производные: *бессердечие, внушительность, головоломка, двуличность, машинальность, осовелость, прямодушие, пустоголовость, ребячливость, смазливость, туполобость, туполобие, узколобие*; в) отглагольные производные: *закостенение, обострение, перелицовка, прислужничество, разбазаривание*.

К собственно словообразовательным метафорам относятся слова *головомойка, нагоняй, риторство, свинство, свистопляска*.

Наименования предметов пополняются незначительным количеством слов: *волнолом, волнорез, грамоотвод, крылатка, отрог, разлетаика, роговица*.

Адъективные СМ развиваются в рамках двух основных смысловых групп: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные способности: *буквоедский, дармоедский, ершистый, захребетный, меднолобый, новоиспеченный, ребячливый, тупоголовый, узколобый*; характеристика отвлеченного предмета: *беспредметный, внушительный, мимолетный, низкопробный, сладкозвучный, урывочный, уладный*.

Несколькими примерами представлены прилагательные физического и психического состояния: *озадаченный, осовелый, мертвенный и физической характеристики предмета*: *пружинистый*.

Глагольные СМ продолжают заполнять смысловые группы глаголов поведения, проявления свойств характера: *встпушиться, выцыганить, гусарить, дармоедничать, двуличничать, зарваться, захребетничать, риторствовать, ротозейничать, сатанеть, сбычиться, школьничать*; состояния, изменения состояния: *замудрить, мозговать, обездущеть, оскотиниться, поёжиться, совет*; отношения: *втрескаться, колпачить, миндальничать, озадачить, полаяться, собачиться, шерстить*; психического воздействия: *огорошить, принизить, собачить, услащать*; физического воздействия: *залапать, звездануть, лапач, перелицевать*; движения, перемещения: *змеяться, поколесить, проколесить*. Кроме этого, СМ пополняют глаголы ЛСГ уничтожения, траты: *разбазарить, раскошелиться, ухлопать*.

Образовалось также несколько **СМ-наречий**: *вслась, играючи, припеваючи, урывками*.

В системе словообразовательных метафор XIX века также можно отметить несколько слов, в которых отразились социально-политические, общественные процессы того времени. Например, отмена крепостного права и последующее за тем резкое расслоение крестьян на бедняков и кулаков актуализировало слово **мироед** 'тот, кто живет чужим трудом, эксплуататор'. Метафорический образ основан на ассоциациях поедания одного существа другим (корень *-мир-* в данном случае имеет значение 'народ, люди'); производное, возможно, образовано по аналогии с существительным *людоед*. Слово *мироед* по происхождению является областным [Виноградов 1999: 838], а одним из первых зафиксировал его и дал развернутое толкование М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Мироеды»: *Мироед – порождение новейших времен* (М. С.-Щедрин).

Общее количество **СМ** в XX веке – 668. Впервые словообразовательные метафоры, образовавшиеся в результате утраты прямого значения (174 слова), количественно превосходят **СМ**, непосредственно возникшие в деривационном акте (140 производных). В XVIII-XIX веках их число было невелико – 6 и 18 соответственно.

Большая часть **СМ**, образовавшихся вследствие утраты первичного значения, приходится на первую половину XX столетия. Октябрьский переворот, приведший к смене общественно-политического строя в России, сделал неактуальными прямые значения многих слов: *барствовать, бичевать, вуалировать, застрельщик, мешочник, патриархальный, опростоволоситься, царственный* и под. Значительная часть слов утратила прямые значения вследствие нарастающей тенденции актуализации абстрактных значений: *безвкусие, бесповоротный, блистательный, броский, веский, встряска, завеса, искрометный, личина, мелочный, наводнить, обелить* и др.

В классе имен существительных количественные позиции продолжают сохранять имена лиц: *аллилуйщик, безотрывник, босяк, буквалист, книгоед, небокопнитель, очернитель, очковтиратель, пенкосниматель, подкаблучник* и абстрактные наименования: *автоматизм, аллилуйщина, безвкусие, бесхребетность, боевитость, бульварщина, бумагомарание, надругательство, нервотрепка, пережиток, подтекст, показуха, упадничество, шкурничество, штурмовщина* и др.

Наименования предметов, как всегда, немногочисленны: *авоська, забегаловка, лавинорез, небоскреб*.

Имена прилагательные пополняют в основном три семантические группы: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные способности: *барственный, безголовый, безликий, бесхребетный, боевитый, прихлебательский, шкурнический, языкастый*; социальная характеристика: *беспорочный, босяцкий, высокопоставленный*; характеристика отвлеченного предмета: *автоматичный, беспочвенный, броский, драконовский, потусторонний, почвеннический, сногшибательный, умопопрачающий, упаднический, шукарский*.

Глагольные СМ расширяют состав уже сформировавшихся групп: глаголы поведения, проявления свойств характера: *барствовать, бронзоветь, верхоглядничать, выкаблучиваться, вынюхивать, ишачить, мелочиться, набывчиться*; состояния, изменения состояния: *застекленеть, овеществиться, остекленеть, разминдальничаться*; отношения: *бичевать, вуалировать, отфутболить*; психического воздействия: *взвинтить, взгреть, песочить, раздраконить*; физического воздействия: *гробить, всадить, отметелить, присобачить, угробить*; движения, перемещения: *вырваться, промячить, прошвырнуться, усвистать*; а кроме того, пополняют новые ЛСГ – глаголы восприятия: *проморгать, прошляпить* и глаголы деятельности: *засобачить, молниировать, химичить, штопорить*.

Значительно возросло количество **наречий**: *вполноги, вполуха, вразрез, вчистую, запоем, назубок, наперерез, подчистую, позарез*.

Среди СМ, отразивших советскую действительность (общественно-политические изменения, научный прогресс и т.п.), следует отметить слова *автоматизм, химичить, штопорить, штурмовщина, подкаблучник, футболить, аллилуйчик*.

Приметой общественных изменений явилось, в частности, существительное **подкаблучник** 'тот, кто находится в подчинении у жены'. Все более возрастала значимость женщины в жизни общества, окончательно утверждалось ее равноправие с мужчинами, которые «сдали» многие общественные, профессиональные и семейные позиции (женщина осваивает чисто мужские профессии, нередко становится основным кормильцем семьи): *Нередко ощущая такое противодействие, он посещно ретировался, ибо по сути-то своей был подкаблучником* (А. Алексин). Безусловно, подобный тип мужчин существовал и прежде, но только с установлением гендерного равноправия он мог получить словесное выражение.

СМ, созданные для наименования новых предметов и явлений, как всегда немногочисленны (*автоматизм, подтекст, схематизм, лавинорез, небоскреб, молниировать*).

Наметившаяся в XVIII веке и продолжившаяся в веке XIX тенденция к движению СМ в сторону стилистически сниженных пластов лексики, наиболее полно проявила себя в двадцатом столетии, особенно во второй его половине: из всего массива производных с метафорической мотивацией 70% относятся к разговорно-просторечной лексике. Тенденция к стилистической сниженности влечет за собой увеличение числа СМ экспрессивного типа, когда на первый план выступает значение словообразовательного форманта и собственно метафорический образ уступает место экспрессивному содержанию: *выкаблучиваться, гробиться, занюханный, нервотрепка, отметелить, показуха, прошвырнуться, химичить* и др. Эта тенденция продолжается: словообразовательные метафоры все чаще выходят за рамки литературного употребления, широко распространяясь в жаргонах. Например, в «Большом словаре русского жаргона» [Мокиенко 2001]

зафиксированы следующие слова, которые могут быть квалифицированы как словообразовательные метафоры: *безбашенный* 'ведущий себя подобно сумасшедшему', *бортануть* 'с силой ударить, толкнуть, оттолкнуть', *вломить* 'избить кого-либо', *керосинить* 'пить спиртное', *ломануться* 'броситься куда-либо', *мозгодуй* 'лектор, агитатор', *матюгальник* 'мегафон', *отмазать* 'оправдать кого-либо', *оттянуться* 'предаться наслаждению, активно, раскрепощено действуя', *отслюнявить* 'дать кому-либо какую-либо сумму' и др. – всего 68 слов. Некоторые слова фиксируются уже не только в специальных, но и в обычных толковых словарях, например, *бортануть*, *вломить*, *отмазать*, *прикид* [БТС], что говорит об их широкой употребительности.

Безусловно, тенденция к снижению отражает общие речевые закономерности, наметившиеся еще первой половине XX века, когда «в связи с процессом демократизации литературного языка лексика и фразеология внелитературная: просторечная, диалектная, профессиональная, жаргонная – входит в состав нормативной лексики и фразеологии» [Ковалевская 1992: 281]. В последние десятилетия тенденция к «демократизации» продолжает усиливаться, что приводит к размыванию границ между стилистическими пластами литературного языка, а также литературного языка и жаргонов.

В Заключении подводятся общие итоги проведенного исследования и намечаются перспективы и возможные направления дальнейшей работы.

Словообразовательная метафора является частью метафорического пространства языка, поскольку обладает всеми системными и функциональными свойствами метафоры лексической (образностью, двуплановостью, возможностью компаративной развертки). Иной способ формирования переносного значения – сопровождающийся изменением морфологической структуры слова (а нередко и грамматического класса), позволяет рассматривать словообразовательную метафору и как особую подсистему лексико-словообразовательной системы. Однако системность СМ лежит в плоскости лексической, а не словообразовательной семантики: как особый семантический класс слов СМ почти не обнаруживает закономерностей, свойственных производной лексике.

Причины словообразовательной асистемности мы находим в истории формирования СМ, в различных путях ее возникновения (метафорическое переосмысление компонентов производящего слова в самом деривационном акте, утрата прямого значения, словообразовательное и семантическое калькирование). Словообразовательная метафора в целом формировалась под влиянием лексико-семантической системы, семантические изменения которой, в свою очередь, часто являлись результатом внеязыковых процессов.

Динамика словообразовательной метафоры в истории языка связана не только с расширением количественного состава слов. Формированию СМ сопутствовали два смежных процесса – движение в сторону

стилистически сниженных ресурсов языка (большая часть словообразовательных метафор последних десятилетий относится к жаргонизмам) и закрепление за СМ функции характеристики (чаще всего негативно оценочной) предметов и явлений. Т.е. словообразовательная метафора прежде всего обогащает экспрессивно-синонимические средства языка. Тенденция к стилистической сниженности влечет за собой увеличение числа СМ экспрессивного типа, когда на первый план выступает значение словообразовательного форманта и собственно метафорический образ уступает место экспрессивному содержанию.

Дальнейшие перспективы изучения словообразовательной метафоры видятся нам прежде всего в расширении материала исследования – с одной стороны, вовлечение в исследовательский поиск жаргонной и диалектной лексики, что позволит представить систему СМ во всей ее полноте, с другой – выявление универсальных и специфических свойств словообразовательной метафоры при сопоставительном изучении близкородственных и разнотипных языков. Другое не менее важное направление будущих исследований лежит в плоскости исторической: не вызывает сомнений необходимость более глубокого и тщательного изучения СМ в диахронии, включение описания динамики СМ в историческую динамику лексической системы в целом. И, наконец, третье возможное направление – изучение словообразовательных метафор в когнитивном, лингвокультурологическом аспекте.

Основные положения диссертации отражены в 42 публикациях общим объемом 33, 3 п.л.

Монография

1. *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора в русском языке. – М.-Саратов: Научная книга, 2009. – 242 с. (15, 18 п.л.).

Статьи, опубликованные в изданиях списка ВАК

2. *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 61-70 (0,6 п.л.).
3. *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора и смежные с ней явления // Русский язык в школе. – 2007. – № 2. – С. 68-72 (0,4 п.л.).
4. *Козинец С.Б.* Классификация словообразовательных метафор по степени их семантической связи с производящим // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Филология. Искусствоведение. Вып. 21. – Челябинск, 2008. – С. 86-90. (0,3 п.л.).
5. *Козинец С.Б.* Почему афиша не афиширует, а вуаль не вуалирует // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 70-73. (0,3 п.л.).
6. *Козинец С.Б.* Реализация метафорического потенциала языка в словообразовании // Вестник Нижегородского университета им.

- Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 6. – С. 246-251 (0,5 п.л.).
7. *Козинец С.Б.* Семантический потенциал словообразовательных метафор // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2009. – № 1. – С. 79-86 (0, 75 п.л.)
 8. *Козинец С.Б.* Соотношение метафорического и метонимического значений в производном слове // Русский язык в школе. – 2009. – № 4. – С. 91-93 (0,3 п.л.).

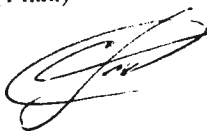
Статьи, тезисы докладов, учебные пособия

9. *Козинец С.Б.* Проблема изучения семантических отношений в комплексных единицах словообразования // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. – Саратов: Изд-во СПГИ, 1997. – С. 87. (0,1 п.л.)
10. *Козинец С.Б.* Проблема изучения семантических отношений в комплексных единицах словообразования // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. – Саратов: Изд-во СПГИ, 1997. – С. 87. (0,1 п.л.)
11. *Козинец С.Б.* Словообразовательная мотивированность сложных слов-метафор // Содержание и конструирование дисциплин в педвузе. – Саратов: Изд-во СПГИ, 1998. – С. 56-57. (0,25 п.л.)
12. *Козинец С.Б.* Факторы развития переносных значений в словообразовательном гнезде // Материалы второй Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». Ч. 2. – Сыктывкар, 1999. – С. 68-75. (0,5 п.л.)
13. *Козинец С.Б.* Факторы развития переносных значений в гнездах деструктивных глаголов // Предложение и слово. Доклады и сообщения Междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во СПГИ, 1999. – С. 128-132 (0,4 п.л.).
14. *Козинец С.Б.* Проблема развития переносных значений в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы 3-й Всерос. Школы молодых лингвистов: М.–Пенза, 1999. – С. 111-112. (0,2 п.л.).
15. *Козинец С.Б.* Усвоение переносных значений возвратными глаголами // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во СПГИ, 2000. – С. 69-73. (0,4 п.л.).
16. *Козинец С.Б.* К вопросу о типах метафорического переноса в сфере глагольной лексики // Актуальные проблемы психологии и лингвистики: Материалы 4-й Всерос. школы молодых лингвистов. – М.-Пенза, 2000. – С. 115-118. (0,3 п.л.).
17. *Козинец С.Б.* Как устроено словообразовательное гнездо? (К проблеме структурно-семантических отношений производных слов) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты.

- Материалы Всерос. науч. конф. – М.-Пенза, 2001.– С. 94-99. (0,5 п.л.).
18. Козинец С.Б. Семантические отношения производных в отглагольных словообразовательных гнездах // Теория языкознания и русистика: Наследие Б.Н. Головина: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф.– Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 165-168. (0,3 п.л.).
 19. Козинец С.Б. Частичная метафора в русском языке // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.– С. 416-421. (0,5 п.л.).
 20. Козинец С.Б. О разграничении и объеме понятий *коннотация* и *коннотативное значение* // Труды Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003.– Вып. 2. Филология. Лингвистика. – С. 85-92. (0,6 п.л.).
 21. Козинец С.Б. Сложные слова с образной мотивацией // Русский язык: исторические судьбы и современность: 2-й Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 279-280. (0,2 п.л.).
 22. Козинец С.Б. Экспрессивная глагольная метафора в русском языке // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-й Всерос. науч. конф. – М.-Пенза, 2004. – С. 129-131. (0,25 п.л.).
 23. Козинец С.Б. Экспрессивная метафора в лексической системе русского языка //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 7.– Владикавказ: Изд-во Северо-Осет. гос. ун-та, 2005. – С. 219-224. (0,5 п.л.).
 24. Козинец С.Б. Десемантизация приставок как фактор развития словообразовательной глагольной синонимии в русском языке // Лингвистика и поэтика 2: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во ЦГЛ, 2005. – 36-42. (0,5 п.л.).
 25. Козинец С.Б. Лексико-семантические процессы в метафорическом поле *музыка* // Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: Специфика функционирования: Всерос. науч. конф.– Самара: Изд-во СамПГУ, 2005.– С. 71-74. (0,3 п.л.).
 26. Козинец С.Б. Производные слова с экспрессивной мотивацией // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во СГУ, 2006.– С. 187-194. (0,6 п.л.).
 27. Козинец С.Б. Метафорические процессы в словообразовании (на материале отсубстантивных глаголов, наследующих переносное значение) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 8.– Владикавказ: Изд-во Северо-Осет. гос. ун-та, 2006.– С.323-329. (0,5 п.л.).
 28. Козинец С.Б. Системные свойства сложных существительных с метафорической мотивацией // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. статей по

- материалам междунар. науч. конф.– Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. – С. 206-207. (0,25 п.л.).
29. *Козинец С.Б.* Реализация метафорического потенциала языка в словосложении // Русский язык: исторические судьбы и современность: 3-й Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.– М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 218. (0, 2 п.л.).
 30. *Козинец С.Б.* Структурно-семантические особенности метафорически мотивированных сложных существительных // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы VII Междунар. науч. конф. – М.-Ульяновск, 2007.– С. 93-94. (0,125 п.л.).
 31. *Козинец С.Б.* Понятия «живая» метафора и генетическая метафора в лексической и словообразовательной семантике // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Т.1. Текст и контекст в языковедении. Ч.1. – М.: МГПУ, 2007. – С. 144-148. (0,3 п.л.).
 32. *Козинец С.Б.* Диахронический подход к изучению словообразовательной метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 9.– Владикавказ: Изд-во Северо-Осет. гос. ун-та, 2007.– С. 243-245. (0,3 п.л.).
 33. *Козинец С.Б.* К вопросу о способах развития словообразовательной метафоры // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика. – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 20-24. (0,3 п.л.)
 34. *Козинец С.Б.* Словообразовательный потенциал производных с метафорической мотивацией // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н.Новгород: Изд-во НГУ, 2007. – С. 194-197. (0,4 п.л.)
 35. *Козинец С.Б.* Типы словообразовательных метафор по степени их семантической связи с производящим // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития: Сб. статей Междунар. науч. конф. – Алматы, 2007. – С. 10-13. (0,3 п.л.)
 36. *Козинец С.Б., Полянина Е.В.* Лексикология: терминологический словарь и библиография: Учебное пособие для студентов факультета иностранных языков по курсу «Лексикология». – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – 98 с. (6,125 п.л.)
 37. *Козинец С.Б.* Исторический аспект изучения словообразовательной метафоры // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008.– С. 429-433 (0,4 п.л.).
 38. *Козинец С.Б.* О деривационной активности глагольных словообразовательных метафор // Активные процессы в современной грамматике. – М., 2008. – С. 97-100. (0,3 п.л.)
 39. *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора в современном русском языке: тенденции развития // Активные процессы в

- современном русском языке. – Н.Новгород: Издатель Ю.А.Николаев, 2008. – С. 111-115. (0,4 п.л.)
40. *Козинец С.Б., Полянина Е.В.* Метафорические процессы в русском языке конца XX – начала XXI веков // Активные процессы в современном русском языке. – Н.Новгород: Издатель Ю.А.Николаев, 2008. – С. 182-187. (0,45 п.л.)
41. *Козинец С.Б.* Деривационные возможности словообразовательной метафоры // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика, 2008. – Вып. 2. – Т. 8. – С. 8-15. (0,7 п.л.)
42. *Козинец С.Б.* Утрата первичного значения производного слова как фактор развития словообразовательных метафор // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика, 2009. Вып. 1. Т. 9. – С. 18-27. (1 п.л.)

Подписано в печать 16.10.2009 г. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризопечатъ. Усл.-печ. л. 2,75.
Тираж 100 экз. Гарнитура Таймс. Заказ № 142 .

Отпечатано в типографии "Эстамп" тел: (8452) 37-47-85
410028, г. Саратов, ул. Заулошнова, д. 3, оф. 108.

10 ✓